

Андрей Дашков

Маска Сета

*Живя,
Будь мертв,
Будь совершенно мертв —
И делай все, что хочешь,
Все будет хорошо.*
Бунан

Часть первая

Лазарь

*Так чистый ручей становится мутным
При слиянии с мутным ручьем!*
Эдгар Ли Мастерс

Глава первая

После смерти

*Здесь лежу я, не угадавший, что происходит
На земляном ложе!*
Эдгар Ли Мастерс

В течение целого лунного месяца насыщает Луна взрыхленную черную землю неведомым ядом. В течение целого лунного месяца перемещается вслед за ночным светилом саркофаг с прозрачной крышкой, а в нем — лишь труп, кровь, сырая земля и преломленные крышкой жидкие лучи. Саркофаг движется по Монорельсу, проложенному в Долине Мертвых, — так медленно, что его движение становится заметным лишь по изменению тени, которую он отбрасывает. Но некому замечать это. Долина безлюдна и утопает в тишине...

Монорельс очень стар. Согласно преданию, его создали древние с какой-то нелепой целью; опоры — из камня, а змеиное тело — из нержавеющей стали. Долина в те времена представляла собой чуть ли не балаганное место, в котором смерть гостила крайне редко. Теперь Монорельс изъеден дождями и похож на серую губку, нодвигающиеся по его изгибам зловещие предметы все еще не издают ни единого ржавого звука. Движение остается совершенным потому, что подчиняется неспешному ритму вращения небесных сфер, а может быть, причина этого — магия некроферы, во всяком случае, саркофаги плывут в лунном сиянии, словно лодки потустороннего мира, вне времени и звуков,

перевозя свое содержимое между незыблемыми горами вечности...

Только с рассветом распадается волшебство. Утренние лучи проникают в долину — и все замирает до следующей ночи. Это дни беспомысленности, разделяющие зыбкие сны, и это время света, который разрушает многое из того, что создано тьмой. Многие, но не все. Саркофаги останавливаются на промежуточных станциях — в гротах, облитых изнутри горным хрусталем, где подолгу блуждают лунные лучи, пойманные в ловушку идеальных отражений...

Птицы избегают этого места, но если им все же случается пролетать высоко над ним, то сверху Монорельс представляется издохшим чудовищем, избравшим для своей могилы глубокую щель посреди горной страны и свившимся в агонии в бессмысленные кольца. Люди не появляются здесь ни днем, ни ночью. Они загружают саркофаги у начала Монорельса и встречают их у самого конца, даже не зная точно, каков окажется результат их усилий. Все известное принадлежит им; за неопределенность отвечают демоны Ра-сетау¹. Это — плата за колдовство, и она устраивает даже

¹ Ра-сетау — царство мертвых в египетской мифологии. — Здесь и далее примеч. автора.

самых осторожных.

Но осторожные и недоверчивые находятся далеко — главным образом в столице, Моско. К помощи же Монорельса прибегают те, кто не мыслит себя вне культа, безоговорочно следует по темным дорогам своей судьбы, защищая интересы секты в миру и имея лишь одно по-настоящему опасное оружие — ядовитое насекомое в опустошенной глазнице.

...Не одну сотню лет передвигаются в Долине Мертвых зловещие предметы. Только Луна может засвидетельствовать происходящие в них изменения. От новолуния — к новолунию. От печального начала — к неизвестному и, может быть, ужасному продолжению.

2

Император стоял на восточной террасе дворца и смотрел на развалины древней крепости Кремлин. Угасающий свет заката окрасил остатки увенчанных зубцами стен и полуразрушенные башни в кроваво-красный цвет. На одной из башен чудом уцелел скелет пентаграммы — символа с утраченным смыслом. А с востока уже надвигались низкие тучи, пожирая последние лучи невидимого солнца. Ночь наступала в небесах и на земле...

Император уже не в первый раз поймал себя

на том, что зрелище руин завораживает. Напоминает о вечности и примиряет со временем, текущим, как песок между пальцами. Кремлин к тому же тревожил воображение, поскольку хранил мрачные загадки, которые никогда не будут разгаданы.

Крепость слишком огромна; ее было бы трудно защищать, тем более что здания внутри крепостной стены мало пригодны для обороны. Чего не скажешь о подвалах, полных человеческого праха. Подземелье не изучено и на одну треть, в нем множество ловушек, картографы порой не возвращаются, известные ходы тянутся на многие лиги за пределы Моско...

Красный луч угас, и Кремлин затопила тьма. Так же как и другие развалины старого города. Столица давно переместилась к западу, берега пересыхающей реки опустели, широкая полоса зыбучих песков подковой охватывает крепость, а среди отравленных прудов и озер бродят призраки. Только тусклые огни иногда загораются в той стороне — это бродяги жгут костры, согреваясь долгими холодными ночами.

Император мог бы сейчас, не сходя с места, отыскать каждого из отщепенцев, нашедших убежище в мертвом городе, — зафиксировать их тени внутри черепа, а потом напугать до смерти, заставить бежать во дворец или разmozжить головы

о камни... Мог, но был равнодушен к сброду. Сброд бессилен и безвреден. Еще со времен своей бурной юности Император усвоил, что драгоценную силу «психо» не расходуют по пустякам. Вполне возможно, ее следует поберечь для предстоящей беседы с мастером секты лунитов, обосновавшихся в Казских горах. Император не помнил имени человека, попросившего об аудиенции, — для него все сектанты были на одно лицо: призрачные фигуры, крадущиеся в сумерках сознания...

Сзади глухо кашлянул Гемиз — его личный секретарь. Смышленный малый, не владеющий «психо». Император находил это удобным. Гемиз был взят из самых низов, «из грязи», и предан властелину, как собака, — до двенадцати лет он в буквальном смысле слова ел с хозяйской руки. Император поручал ему некоторые щекотливые дела, но и близко не подпускал к оружию...

Гемиз подкрался неслышно, как кошка.

— Он пришел? — спросил Император.

— Да, Ваше Императорское Величество.

— Я приму его здесь.

Гемиз замялся. Император знал, в чем дело. Верный человек беспокоился о его безопасности.

— Ладно, — сказал он, еле заметно улыбаясь. — Пришли сюда охранника.

Секретарь мягко заскользил прочь, а

Император устроился между статуй, слившись с темнотой, и превратился в одну из них. Сосредоточившись, он поискал приближающегося гостя. Он нашел тень мастера и обнаружил, что тот закрыт, причем закрыт очень хорошо. Этого следовало ожидать, и это осложняло дело.

Рядом с лунитом двигалась тень охранника. Над этим человеком, как и над девятнадцатью другими своими телохранителями, Император поработал лично. В результате их агрессия стала узконаправленной и не могла быть обращена против хозяина и членов его семьи. Подавленную энергию он перевел в иное русло. Это привело к тому, что его телохранители пользовали женщин в невероятных количествах. Хозяин не возражал — пусть рожают будущих солдат Империи Россис...

Лунит вошел на террасу, и Император почему-то сразу же подумал о жабе. Низкий мужчина с темным лицом и широкой щелью рта. Влажные губы, пухлые руки. Просторный зеленый плащ с капюшоном. Один глаз мастера был закрыт повязкой. Нет, не повязкой, — империалом. А под монетой... О Господи! Неужели бедняга носит ЭТО все время?..

От сектанта дурно пахло. Император хорошо знал этот запах — запах опасности. Не примитивной, не грубой, как удавка на шее, а подкрадывающейся исподволь, но зато имеющей

катастрофические последствия. Это означало только то, что рано или поздно от лунита придется избавиться. А может быть, и от всей его шайки.

Вошедшего звали Грегор. Он сразу же отыскал Императора своим единственным глазом. Обычно детские игры в невидимость вызывали у него лишь снисходительную улыбку, однако сейчас он не позволил себе улыбнуться. Слишком многое зависело от настроения монарха... и, как ни странно, от его аппетита. Аппетита к разрушению.

За спиной Грегора размеренно дышал телохранитель — на первый взгляд, почти неуязвимая тварь, хотя мастер взялся бы за неделю свести ее в могилу. Не помогли бы мечи, арбалеты, фетиши и очистительные ритуалы. Слабые места людей Грегор умел находить сразу же. Другое дело — Император. Незыблемое существо. Тот, который правит сбродом и удерживает пошатнувшийся мир на краю хаоса.

Мастер секты остановился в пяти шагах от Императора, правильно определив приемлемое расстояние. Это избавило охранника от необходимости останавливать его, а хозяина — от неприятных ощущений.

Император пребывал в совершенном покое; даже дыхание его было незаметно. Грегор еще раз убедился в том, что тот слишком силен, и следовательно, секта избрала верный путь. Мастер

отдал должное банальному ритуалу, изобретенному, конечно же, для людей, придающих большее значение форме, чем содержанию.

Он низко поклонился, а когда выпрямился, в его руках был подарок — светящийся шар, поместившийся на ладони. Грегор убрал руку, и шар поплыл к Императору. Он плыл медленно, не вращаясь и излучая холодный молочно-белый свет...

Император пропустил шар сквозь уплотненный слой воздуха, окружавший его фигуру невидимой защитной оболочкой, и поймал кончиками пальцев. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это миниатюрная Луна — с темными пятнами морей, хребтами, ущельями, кратерами, — потрясающе точная копия ночного светила, только от нее исходил собственный, а не отраженный свет. Император повернул шар и впервые в своей жизни бросил взгляд на невидимую сторону Луны — на незнакомые очертания гор, никем не названные моря, цирки, подобных которым он не встречал на Земле... Шар был теплым, но это было не заимствованное тепло человеческих рук. Внутри пористого материала тлел разрушительный огонь.

— Откуда ты знаешь, как выглядит темная сторона?

— Мой дух странствовал там, Ваше Императорское Величество, — с деланным

смирением произнес Грегор.

Что ж, это было исчерпывающее объяснение. Император понял, с кем имеет дело. На всякий случай он отбросил шар подальше от себя. Тот упал на каменные плиты, но не разбился, а медленно откатился к самому краю террасы. Он катился слишком медленно и завершил свой путь плавной спиралью. Цвет свечения изменился на болотно-зеленый.

Грегор не обиделся. Он и сам давно уже не принимал никаких подарков. Любой подарок — это начало мистической зависимости и вполне реального конца.

Стоя в зеленоватом сумраке, мастер Грегор изложил свою просьбу.

Вначале Император подумал, что совершил ошибку, согласившись принять свихнувшегося фанатика, и пожалел было о потерянном времени. Однако он знал, что пользу можно извлечь из чего угодно; все дело лишь в удачном маневрировании.

— С чего ты взял, что меня заинтересует твое предложение?

Грегор терпеливо пояснил.

— Война с Четвертым рейхом неизбежна, не так ли? Это не тайна для любого, у кого есть глаза и уши, а также хоть капля мозгов. В таком случае желательно, чтобы пограничные королевства стали нашими надежными союзниками. Особенно Булхар

— как самое сильное из них...

— Ближе! — перебил его Император. —
Подойди ближе!

Грегор сделал три шага. Теперь он видел даже морщины на лице Императора и ощущал сопротивление уплотненной среды.

— Продолжай!

— Старый Люциус дышит на ладан. Не сегодня-завтра Гальварус станет королем. После свадьбы с ним может произойти какая-нибудь неприятность. Скажем, гангрена. Или злокачественная опухоль. Короче говоря, он умрет. После этого Булхар станет вашей провинцией.

— Допустим. Надеюсь, ты небескорыстен?

— Конечно, нет, Ваше Императорское Величество. В случае успеха я попрошу у вас часть Казского хребта, которую укажу сам. В вечное и необлагаемое налогом владение.

Император улыбнулся своим мыслям. Гнездо некромантов находилось слишком далеко от столицы, чтобы он мог контролировать их. Зато мастер всегда будет под рукой... Но было еще кое-что, о чем Грегор не упомянул, — с востока накатывались племена желтолицых варваров, и Император знал, что не сможет защитить свои земли, сражаясь против двух сильных врагов. Ему нужна была быстрая победа над рейхом, и тогда можно будет сколь угодно долго сдерживать

нашествие варваров в узком горлышке континента. Поборов отвращение, он выдавил:

— Излишне говорить, что настоящая принцесса не должна пострадать. Я имею в виду...

Теперь Император увидел улыбающуюся жабу.

— Поцелуй смерти, — быстро подсказал Грегор.

— Да, ЭТО можно назвать и так. В противном случае...

— Я понял. Если бы я хотел совершить ритуальное самоубийство, то выбрал бы более простой способ. Но Ее Высочество должна исчезнуть примерно на год. Ее никто не должен видеть. Иначе игра окажется бессмысленной.

Грегор следил за ложью, стекавшей с губ, и ложь становилась правдой. Все зависело от точки зрения. Он умел менять точку зрения так, что этого не замечал никто.

— Год... Что ж, я дам тебе год...

Император отвернулся в знак того, что аудиенция окончена. Сектант поклонился и заторопился по своим темным делам. Полы его плаща шелестели, словно крылья летучей мыши.

— Лазарь, говоришь? — вдруг произнес Император вслед уходящему человеку. Очень тихий голос догнал Грегора и пригвоздил к месту. Мастер спиной ощутил чье-то дыхание, хотя

охранник находился в нескольких шагах от него.

— Ты богохульник, Грегор, — прошептал тот же голос в самое ухо.

Несмотря на панцирь, сковавший тело, Грегор медленно повернулся и склонил голову в знак уважения.

— Кажется, мы прочли одну и ту же древнюю книгу, — предположил сектант, на минуту позабыв об этикете. Все повисло на очень тонкой ниточке.

— У меня широкие взгляды, — с иронией бросил Император. — Та книга мертва и забыта, хотя некоторые строчки доставили мне удовольствие.

И он погрузился в себя, забыв о существовании лунита...

* * *

Он долго сидел в одиночестве, размышляя о незначительной мелочи, которая не давала ему покоя. Существовал единственный способ вернуться в состояние равновесия. Император снова вызвал Гемиза и отдал тому короткий приказ. Он подождал еще минут десять, а потом пошел взглянуть на то, что сделали чужие покорные руки.

В одном из темных закоулков дворца ему показали тело охранника, который был невольным свидетелем его разговора с Грегором. Вокруг шеи

мертвеца пролегла тонкая багровая полоса. Император коснулся еще теплой кожи трупа и закрыл его выпученные глаза.

Он с облегчением почувствовал, как улетучивается тревога. К нему опять возвращалось то, что не купишь ни за какие сокровища мира, — безупречный и безмятежный покой.

То, что пытался разрушить Грегор.

Покой.

3

Принцесса Тайла была юной, хрупкой, неискушенной в дворцовых интригах и не понимала, чего от нее хотят. Вначале отец объявил о своем решении отправить ее в женский монастырь, и одно это расстроило девушку до слез. Она знала, что такое жизнь среди монахинь. Ее ожидали скучные уроки по богословию и демонологии, еще более скучные молитвы, однообразные дни, похожие на годы, и спертый воздух келий, в которых можно считать себя похороненной заживо...

А чуть позже появился страшный низенький человек. От его рук пахло сырой землей и мертвыми насекомыми. Он принялся раскладывать перед нею какие-то инструменты, не менее отвратительные, чем он сам. Ей сказали, что это

врач, но гораздо больше неизвестный был похож на могильщика. Тайла увидела край бумажного листа, торчавшего из его потертого черного саквояжа. Лист был исписан рваными лесенками гексаграмм. Принцесса изумилась; потом оказалось, что и это одобрено Императором. Человек в зеленом плаще взял своими влажными пальцами ее бледную анемичную руку и долго прощупывал, всматриваясь в сложный и едва заметный рисунок вен...

Тайла не успела испугаться. Она слишком привыкла к безопасности, к тому, что во дворце ей ничего не угрожает. Она испытывала только брезгливость, пока ее не схватили цепкие руки служанок. Эти женщины, которые всегда были вкрадчиво-угодливы и ласковы с нею, вдруг оказались сильными и жестокими.

Тайла пыталась вырваться, но тщетно билась в удерживавших ее тисках. Одноглазый мужчина прятал за спиной какой-то предмет с пожелтевшей костяной рукояткой. Ее последней мыслью было, что она видит дурной сон, а потом перед нею заблестела кривая игла. Игла приближалась к белой подрагивающей руке...

Боль была ничто по сравнению с пронзившим ее сердце страхом. Она увидела темную вязкую жидкость, ползущую внутри прозрачной трубки, и обморок наконец позволил Тайле исчезнуть.

Человек по имени Вальц был убийцей и никогда не жалел об этом. Он достиг совершенства в своем ремесле. Единственное, о чем приходилось сожалеть, это о том, что мало кто мог оценить его искусство. Разве что... жертвы, но вспышка их чувств длилась недолго — минуты, иногда часы. Самому Вальцу хватало впечатлений, полученных при созерцании смерти, в лучшем случае до утра.

Еще его искусство покорило тех, кто охотился за ним, — сторожевых псов закона, — но совсем по-иному. Оно ужаснуло их, как ужасало мирных пугливых обывателей, и сделало вечными спутниками Вальца, его последователями и преследователями.

В конце концов они загнали убийцу в угол, и этим лишили себя красоты и тайны. Он не обижался на них — он был горд тем, что познал вещи, к которым другим людям не дано прикоснуться. Вещи, о которых некоторые боятся даже думать...

Вальц до сих пор не мог понять, как он попал в лапы императорских ищеек. Должно быть, его конец был предопределен свыше, и было бы глупо сопротивляться Истинной Силе. Нет, Вальц оказался не настолько самонадеян. Он был

совершенным орудием смерти, он избегал немислимых ловушек, но теперь его время кончилось. Его приговорили к казни через повешение, и он пришел к выводу, что ничего не имеет против. Если в загробном мире ему суждено встретиться со своими жертвами и у них будут глаза (в чем Вальц сильно сомневался), он преспокойно посмотрит в эти глаза своим ясным чистым взором, и может быть, даже ТАМ ему снова захочется убивать...

Вальц улыбнулся своим мыслям. Холод и сырость царили в камере, в которую заточили узника тупые животные, лишённые чувства прекрасного, но это нисколько не беспокоило его. Как и цепи, сковывавшие руки, ноги и скрепленные на поясе. Они стесняли движения, но были не в состоянии помешать полету его фантазии.

Вместо покрытых плесенью стен он видел сны: юное девичье тело под голубой луной — целый мир, облитый волшебным светом; рельеф с холмами, впадинами, равнинами — и Вальц перекраивал этот мир своим острым, как бритва, ножом... Или другое: старуха, задолжавшая костлявой несколько лет, и Вальц помогал смерти получить то, что ей причиталось. Или мужчина в расцвете сил; удача, слава, богатство, любовь — часто этого достаточно, чтобы забыть о собственном ничтожестве. Вальц просто напоминал

самодовольным о тщете существования и возвращал забывшихся в прах...

Собственную казнь он тоже собирался превратить в мимолетное, но запоминающееся произведение искусства. У него это почти получилось. Утром Вальца вывели наружу, и яркое солнце ослепило его. Потом приговоренного везли по улицам в какой-то клетке, и люди бросали в него оскорбления, птичьи экскременты и гнилые фрукты, а он безмятежно улыбался им, снова обнаружившим свою тупость и трусость. Его улыбка постепенно возымела на толпу парализующее действие. Многим она внушала необъяснимый страх.

Вальца втащили на эшафот — цепи мешали ему взойти по ступенькам. Отсюда он окинул взглядом притихшее людское море. По обе стороны от эшафота выстроились имперские солдаты. Вдали, на краю одной из самых больших площадей Моско, были видны темные коробочки карет; из окошек за ним наблюдали бледные настороженные лица.

Вальц улыбнулся распорядителю казни, как родному брату, пришедшему на помощь в трудную минуту. С него сняли цепи. Законник выкрикивал что-то в пронизанный светом воздух, а потом осведомился о его, Вальца, последнем желании.

У Вальца было последнее желание. Он

попросил приблизиться к краю эшафота. Здесь он опустил штаны и начал мочиться. Тугая струя выгнулась дугой, орошая первые ряды. Толпа отхлынула, но стоявшие сзади сдержали натиск передних, и тем не удалось отодвинуться так далеко, как хотелось бы.

Палач ударил Вальца между лопаток, схватил за шею и грубо толкнул к виселице. Убийца отказался от мешка, стал на люк, который должен был провалиться под его ногами, и ощутил щекочущее прикосновение веревки. Он по-детски засмеялся и подставил лицо теплым лучам солнца. Все эти люди желали ему зла, но он не верил, что ТАМ будет хуже...

Секунды звенящей тишины.

Металлический лязг, судорожный вдох, уже неразличимый хруст шейных позвонков.

Конечности повешенного дернулись несколько раз, как у балаганного клоуна. Одна чувствительная дама упала в обморок.

Сопровождаемый проклятиями, Вальц отправился навстречу своей мечте. Смерть встретила его мгновением боли и ласковой бархатной тьмой...

* * *

Поднявшийся к ночи ветер раскачивал труп на

опустевшей площади. Вороны терпеливо ждали на крышах ближайших домов; самые смелые из них уже сидели на перекладине виселицы. Им внушала некоторые опасения странная подвижность мертвеца. Казалось, что он шевелит руками; во всяком случае, руками явно шевелила его длинная вытянутая тень.

Вороны ждали долго...

Когда начал гаснуть свет в окнах, обращенных к площади, исчезла и страшная тень. Одна из птиц прыгнула на голову трупа. И... ничего не случилось. Теперь они раскачивались вместе, и ворона даже находила в этом какое-то удовольствие. Она нацелилась клювом в приоткрытый и остекленевший левый глаз, который заманчиво поблескивал, будто осколок зеркала. Ее спугнул раздавшийся поблизости стук копыт.

Черный тяжелый экипаж, запряженный четверкой, ворвался на площадь. Он был похож на катафалк, но люди, прибывшие в нем, были из другого департамента. Они имели всего лишь четыре глаза на троих, и это не могло быть случайным совпадением.

Неизвестные действовали быстро и слаженно. Кинжал перепилил толстую мохнатую веревку, и шесть рук подхватили мертвеца. Когда его сносили с эшафота, свернутая набок голова сильно ударилась о ступеньку.

— Осторожнее, болваны! — прошипел глухой голос из кареты.

Края рваной раны на голове Вальца разошлись, но крови не было. Трое бережно погрузили труп в экипаж. Разгоряченные кони повлекли его за собой в глубокое ущелье улицы.

Вся операция заняла не больше минуты. Так, в нарушение обычая, согласно которому преступник должен был болтаться на виселице три дня, труп повешенного был снят в первую же ночь после казни.

Разочарованные вороны снялись с насиженных мест и растворились в темноте.

5

Приор Нового Доминиканского Ордена Преподобный Ансельм считал свою смерть отвратительной и бессмысленной. Его попросту резали, как ягненка. Сзади. Жертвенным ножом.

В краткие мгновения, пока его сознание рассыпалось широким веером, превратилось в истекающую мукой черную звезду и наконец погасло, свернувшись в точку, он успел испытать многое: и сожаление по поводу утраченной жизни, и тоску по всем радостям — плотским и духовным, — которых он не успел познать, и горечь обманутого человека, и ненависть к

обманувшему, и все-таки благодарность за то, что умирал он, не страдая от усиливающихся болей, как полагалось бы умереть при его болезни, а быстро и почти безболезненно.

Не миновало его и разъедающее душу сомнение, только вот времени у этого червя было немного. Ансельм кое-чего так и не понял. Зачем Грегор позволил ему пересечь море, хребет Кромы и большую часть территории Россиса? Затем, чтобы прикончить здесь? Сектант мог сделать это еще на корабле, и рыбы в Темном Море сожрали бы хрупкую плоть доминиканца... И все же — глупец он, глупец, потому что поверил чужеземцу. Чернокнижнику. Твари неверной. Врагу по воспитанию и по крови...

И бессмысленно лгать себе, что желал Преподобный только пользы Ордену и вреда исконному противнику. Ведь имел же он и надежду — пусть исчезающе малую, — что Грегор излечит его от смертельной болезни... А с этим был связан и неизбежный мотив предательства — Ансельм позволил сектанту ознакомиться с тайными письменами, найденными в развалинах монастыря под Менгеном, но разве мог он быть уверен в том, что сие знание не включает в себе непостижимый вред? Нет, не мог. Но согласился на предложение Грегора.

Быстро.

Поспешно.

Непристойно.

И не было ему с тех пор покоя. До той секунды, пока не сверкнул за спиной кривой жертвенный нож и не избавил от пытки, которую уготовила людям нечистая совесть.

Ансельм умер раньше, чем плечи его коснулись сырой земли на дне длинного металлического ящика. Острые лезвия почти мгновенно освободили его от одежды. Земля была черная, влажная, рыхлая — настоящий могильный покров, место обитания червей, идеальная среда для гниения и распада...

Дело происходило ночью, в каких-то глубоких пещерах, выбитых в безлесных горах намного севернее Йеру-Салема, где должно было завершиться его паломничество. Города Империи Ансельм видел лишь мельком, из окна кареты, которую на протяжении всего пути покидал лишь по нужде. От него скрывали все — и цель, и обстоятельства путешествия. Грегор обращался с ним, как с пленником, и пропускал мимо ушей его вопросы. Ансельм и был добровольным пленником, и ему приходилось не раз напоминать себе об этом.

Будто жертвенное животное, провезли его через всю страну и ввергли в сумрачное подземелье с завязанными глазами. Выходит, для того, чтобы здесь убить. Что ж, он должен был учитывать и

такую возможность. Он знал, на что шел. Он принял смерть молча, а если и роптал, то винил во всем себя, а не своего Бога.

Он умер и не ощутил неудобства сырой могилы. Потом она стала еще грязнее, когда сектанты вскрыли запечатанные сосуды с кровью, привезенные из столицы, и увлажнили его последнее ложе еще и неведомо как сохраненной жидкостью. Земля слой за слоем — и кровь. Совсем немного — по несколько капель в каждом слое. Преподобный покоился внутри этого отвратительного пирога. Земля покрыла его и черной ватой застлала уши. Ее рыхлые частицы проникли в нос, засыпали полуоткрытый рот, придавили опущенные веки...

Саркофаг накрыли прозрачной крышкой из материала, похожего на слюду, с необычными преломляющими свойствами. Крышка была обрамлена по краю металлом и закрывала саркофаг так плотно, что внутрь не проникал даже воздух.

Грегор лично руководил погребением. Он пробовал пальцами землю и отмерял по каплям кровь. Монета в его левой глазнице сияла тускло, как кусок свинца в изменчивом факельном свете. В третий раз он прибежал к услугам Монорельса и надеялся, что теперь достигнет гораздо большего, чем раньше. Сила и мудрость приносят удовлетворение тогда, когда они действуют слитно

с желаниями. На этот раз на чаше демонических весов лежали не только желания мастера секты, но и потребности самой жертвы. И даже — Императорского дома. Но об этом лучше не думать. Чрезмерные аппетиты правителей иногда перерастают в безумие. Однако благодаря этим аппетитам Грегор выторговал кровь принцессы Тайлы и труп человека, который был известен в Моско как Расчленитель Вальц...

Шестеро младших членов секты по знаку некроманта подняли саркофаг и понесли его к темному зеву, из которого торчал стальной язык. Или — согласно традиции — Голова Змеи. Голова и Хвост были определены раз и навсегда, хотя мало чем отличались друг от друга. Никто никогда не пытался провести саркофаг в обратном направлении. Даже Грегор допускал, что существуют вещи, которым лучше вечно оставаться погребенными под покровом темных пророчеств и бессознательного ужаса...

Сектанты установили саркофаг на Монорельс и удалились из пещеры. Ночь новолуния перевалила через свой апогей. Среди застывших в немоте гор под тусклыми чужими звездами пустился Преподобный Ансельм в свое последнее путешествие.

Первый сон настиг его на южной излучине Монорельса, когда Луна приоткрыла свой диск больше, чем на две четверти. Да и был ли это сон? Лазарь не задавал себе подобных вопросов. Просто в неопишемости небытия вдруг забрезжило что-то: обрывки видений, которые он воспринял вполне безразлично. В них он оставался бесплотным соглядатаем, подсматривавшим за чужой жизнью; у него еще не было собственных чувств. Ни зависти, ни надежды.

Он созерцал то, что никогда не снилось при жизни ни одному из его ингредиентов. Сновидения принадлежали другим людям, но Лазарь еще не испытывал ни удивления, ни ужаса при мысли о собственном распаде. Он был тенями, наложенными друг на друга и слившимися воедино. С помощью стеклянной призмы можно разделить свет на разноцветные лучи, но что могло разделить тени?..

Ему снился дворец, в котором он никогда не был. Опочивальня, погруженная в сумрак, колышущийся балдахин, мягкое мерцание золота, туманные пятна гобеленов... Судя по роскоши убранства, королевские или герцогские покои. Из-под балдахина выглядывало выбеленное лицо мужчины, очевидно, приготовившегося к ночи любви, но при этом лицо выражало

настороженность, если не испуг.

Кто-то (наверное, спящий) опустил взгляд, и лазарь увидел свои руки. Нет, не руки, а лапы. Широкие, покрытые короткой серой шерстью, с блестящими треугольниками когтей. Волчьи лапы.

Волк в опочивальне — что бы это значило? Возможно, демоны Селены, раздающие людям сны, перепутали местами кошмары...

Со всех сторон повалил дым, затягивая предметы темной пеленой. Вскоре лазарь потерял зрение внутри дымного столба, а слуха и обоняния у него не было до сих пор. Его окружала чернота, в которой теплилось недоразвитое сознание. Тонкая грань между явью и сном...

Когда дым рассеялся, он увидел ту же картину, только с другой точки зрения, находившейся значительно выше. Кровать подплыла ближе — кто-то сделал несколько шагов. Теперь лазарь мог рассмотреть мужчину под балдахинном. Тот был холеным, но не изнеженным. Всего за несколько секунд черты его лица глубоко запали лазарю в память, если только суждено сохраниться такой хрупкой и непредсказуемой вещи, как память... Мужчина улыбнулся подрагивающими губами; лазарю показалось — облегченно.

Он протянул к лежавшему руку (теперь уже действительно руку, а не лапу). Слишком тонкие и

хрупкие пальцы. Красивая, утонченная рука. Перстни на трех пальцах и длинные розовые ногти... Это была, вне всяких сомнений, женская рука. Она вытягивалась, пока не коснулась щеки мужчины. После этого лазарь завертелся на черно-белой карусели и пережил новую смерть. Тихую и неощутимую. Он просто равнодушно расстался со своим сном.

Второе видение посетило его в полнолуние, но лазарь, конечно, ничего не знал об этом. За слюдяным окном была только невысыхающая земля и тончайшие узоры из капель крови. Погребенный не дышал и не шевелился. Однако к исходу той ночи земля в саркофаге начала медленно, едва заметно пересыпаться...

А снился ему монастырь посреди леса. Заброшенные руины, вызывающие неизъяснимо сладкую печаль. Впервые лазаря настиг призрак чужого чувства. Деревья старого сада беззвучно пошатывались под натиском неощутимого ветра. Быстрые изломанные тени на сером фоне неба были встревоженными птицами. Потом он увидел и причину их тревоги.

Высокий человек в плаще с грязно-белым мехом, обернутым вокруг голой шеи, пробирался между развалинами. Выше рта его лицо было скрыто под жутковатой маской, сделанной из передней части неправдоподобно огромного

черепа. Нижняя челюсть черепа и верхние зубы отсутствовали, на их месте были видны бескровные губы и обтянутые лиловой кожей скулы незнакомца. Человек был ранен или измучен долгим переходом; он пошатывался, но не потому, что был пьян. Он держал в руках какой-то темный предмет. Не оружие, однако что-то очень опасное.

Какую-то книгу.

Книгу ЕГО судьбы.

Лазарь ощутил страх. Неясный, неотвязный, липкий...

И опять — дымное облако и незаметное перемешивание участников сна. Он сидит в кресле и видит свои ноги, обутые в сапоги. На его плечах и груди лежат пряди длинных седых волос. Он поглаживает их еще не морщинистыми руками...

Лазарю становится не по себе. Он заполняет собой пустоту, оставшуюся после того, как над этим несчастным поработали лишения и безграничное одиночество.

Он — одна из иллюзий душевнобольного, призрачная личность, поселившаяся внутри седоволосого человека. Если бы тот до сих пор осознавал себя как человека по имени Ансельм, то все его представления о мире и Боге оказались бы перевернутыми с ног на голову. К счастью для него, Преподобный умер. Вскоре исчезли и иллюзии, вызванные к существованию кратковременным

сочетанием света и тьмы.

Саркофаг замирает в одном из хрустальных гротов. Впереди — долгий спуск и загадочная излучина Монорельса, знаменующая собой Луну, идущую на убыль.

Потом случилось то, чего не мог предусмотреть даже Грегор, слишком занятый погребенными в земле, чтобы обращать внимание на небесные письма.

Лунное затмение началось в самую глухую пору ночи. Тень напозла на сияющий серп и превратила его в пепельный след. В саркофаге зашевелилась земля. Никто не знал последствий случившегося. Земля вздрагивала; под нею болезненно корчилось то, что уже не было трупом. Его безмятежные сны сменились кошмаром...

* * *

Мастер Грегор проснулся за много лиг от того места. Ему вдруг стало неудобно и тревожно. Дыхание сектанта было прерывистым. Какие-то удушающие миазмы расползались в воздухе. Это не было болезнью тела или души. Это означало какое-то искажение судьбы, предначертанной Грегором для своего создания. Он понял, что никогда не узнает, в чем заключается искажение, а если и узнает, то уже ничего нельзя будет изменить.

В ту ночь мучительной бессонницы Грегор впервые усомнился в возможностях некромантии.

* * *

...И наконец — время узкого серпа. Упадок. Приближение новолуния.

Рельеф земли в скользящем гробе непрерывно меняется, как будто в заточении томится маленький крот. Между ее поверхностью и прозрачной крышкой образовался значительный зазор, и это означает, что труп уменьшился в объеме. Но куда девается вещество из наглухо запечатанного саркофага? Убывает и прибывает, превращаясь в свет?

Ответы на эти вопросы не знает даже Грегор. Он просто ждет. К концу лунного месяца мастер возвращается из своей горной обители в Долину Мертвых, чтобы увидеть лазаря своим единственным глазом. Но прежде — еще один бесцветный сон в бесстрастном потоке, пронизывающем содержимое саркофага.

На этот раз лазарю снились люди, жившие в щелях под тусклой свечкой маленького солнца. Он смотрел на них тысячью глаз из темноты, словно сам был субстанцией враждебного космоса, который обволакивал и изолировал их. Он даже как будто слышал заклинающие его голоса и

обращенные к нему невнятные молитвы. Никто не понимал его сущности, и ему самому не была доступна эта тайна. Кем он был — демоном, призраком, сторожевым псом, кошмаром, сотканным из проклятий и проникающим во все головы одновременно?.. Нет ответов. Существа приходят к нему, проводят с ним время, отведенное для жизни, и умирают, так и не получив от него ничего, кроме временного пристанища...

Иногда в нем открывались коридоры, по которым перетекала колдовская сила. Он не отождествлял себя с нею. Он был тем, что позволяло этой силе течь. Он существовал вечно вне этого краткого сна. Великий. Необходимый. Прикованный к вечности тяжелыми цепями чужих молитв...

Когда закончилось и это видение, он уже мог слышать далекие гулкие звуки, доносившиеся сквозь толщу земли, — содрогания планетной коры. Это, как и приливы, судорогой пробежавшие по телу Луны, причиняло ему некоторое неудобство. Вроде прикосновений, которые заставляют спящего вздрагивать.

Итак, женщина, мужчина, бесполой дух... Еще не появилось мотивов, чтобы думать об этом. Еще не появилось и самих мыслей. Но скольжение по Монорельсу подходило к концу, и существо в саркофаге было готово пробудиться ото сна.

Грегор и сопровождающие его сектанты вошли в пещеру, почти неотличимую от той, которая находилась в двух днях пути отсюда. От входа задувал поющий осенний ветер. Была ночь новолуния, и темная повязка с монетой прикрывала левую глазницу мастера. Потускневший металлический диск с рельефным портретом Императора скрывал насекомое лучше, чем искалеченное операцией веко. В безлунные ночи Грегор нуждался в защите, как простой смертный, и даже более. Занятия магией требовали жертв. Для плотной материи вроде оружия не оставалось ни времени, ни сил.

Он увидел саркофаг, застывший в Хвосте Змеи. По его знаку сектанты осторожно открыли крышку. Грегор опустил руку и дотронулся до земли, которая теперь была теплой. Примерно такой же теплой, как человеческое тело... Он принялся осторожно снимать землю слой за слоем, пока не обнажились нос и подбородок лазаря. Прикосновения пальцев Грегора стали еще более легкими и даже нежными. Он убрал с лица остатки багрово-черной грязи, и оно заблестело неестественной белизной.

При виде этого лица сектанты, стоявшие

поблизости, отшатнулись. Они были еще слишком молоды, чтобы помнить и понять все. Грегор улыбнулся и обвел их безразличным взглядом. Он тоже боялся, но умел отторгать собственный страх. Боялась его животная половина; другая половина принимала как должное самые пугающие вещи...

Грегор наклонился и коснулся губами носа лежащего человека. От плоти лазаря пока исходил тяжелый смрад сырого подземелья. Мастер с силой втянул в себя воздух, очищая чужие ноздри от забившейся в них земли. Рыхлые комья и затхлый воздух оказались у него во рту, и он выплюнул их вместе со слюной. После этого Грегор вытащил запавший язык лазаря и выдохнул все, что осталось в легких. Ему мучительно хотелось вдохнуть, но он не позволял себе этого...

Наконец тонкая струя темного дыма потекла из его внутренностей; дым не поднимался кверху, а стелился по земле. Грегор соединил свои уста с устами лазаря. Горло мертвеца дрогнуло под его чуткими пальцами. В глазах потемнело. Мастер понял, что задыхается. Что-то пыталось удержать его от возвращения, и он с трудом оторвался от холодных губ, преодолевая некую враждебную силу. И почти сразу же увидел, как земля начала осыпаться с поднимающейся груди лазаря.

Существо, которое лежало в саркофаге, сделало глубокий вдох. Вначале его дыхание было

прерывистым, затем стало более ровным и почти незаметным. Существо вдыхало не чаще одного раза в минуту.

Когда Грегор разбудил его резким ударом по щеке, оно медленно поднялось — голое, казавшееся жалким и замерзающим. Длинные ногти, отросшие после смерти, еле слышно царапали по металлу. Глаза лазаря широко распахнулись; их взгляд оставался пустым до тех пор, пока мастер не прошептал в самое ухо существа:

— Я обещал исцелить тебя и сдержал свое слово.

После этого могло произойти все что угодно. Грегор был готов к самому худшему. Сектанты стояли полукругом за спиной лазаря и держали под плащами обнаженные мечи.

Но во взгляде существа появилось только мучительное узнавание. Тогда мастер удовлетворенно улыбнулся и про себя ниспослал благодарственную молитву Сатанубису.

Одежда уже была приготовлена. Грегор вышел из пещеры, а лазарь держал его под руку. Они сели в ожидавшую их карету.

В западной стороне над горами висела голубая звезда, дольше других сопротивлявшаяся наступлению утра. Карета помчалась к ней по узким горным дорогам, как будто где-то за горизонтом была назначена их встреча.

Старый король Люциус умирал, позабытый всеми. И хотя говорят, что «бывших» королей не бывает, это не совсем так — те, кому Господь не дает быструю и славную смерть, становятся «бывшими» за несколько дней, часов или минут до смерти. Обычно последние дни, часы, минуты — самые страшные в их жизни, и Люциус не был исключением.

Чувствуя, что недуг и старость сводят его в могилу, он объявил королем своего сына Гальваруса. С этого момента Люциус превратился в дряхлое ничтожество, докучавшее всем своим никчемным существованием. И если в непосредственной близости от его покоев придворные еще соблюдали фальшиво-благочестивую тишину, то в остальных помещениях дворца веселились откровенно и с полным самозабвением.

Шум свадьбы доносился в спальню Люциуса сквозь единственное высокое окно. Что делать — жизнь коротка, благосклонность судьбы непредсказуема; надо успеть получить свою долю праздников и наслаждений, пока их не отняли те, кто карабкается по лестнице успеха с еще большим азартом...

Все оставили короля-вдовца, будто прах его уже был развеян по ветру. Рыцари, с которыми он делил тяготы и утечи молодости, отсиживались в своих замках, парализованные слабостью и страхом, а новое поколение хорошо усвоило, что служить надо одному хозяину — и притом самому сильному. Эти душой и телом принадлежали Гальварусу.

Для Люциуса женщины тоже остались в прошлом. Женщины монархов почему-то особенно уязвимы... Другим придворным было не до ностальгических визитов. Каждый занялся устройством личной судьбы — спешил понравиться, войти в доверие, заручиться поддержкой, обеспечить прочный тыл. Непостижимо сложная машина интриг не останавливалась даже на самое короткое время. Тысячи нитей сплетались и расплетались в ней, никогда не затягиваясь в безнадежные узлы. Чья-либо смерть означала всего лишь устранение старых и появление новых марионеток.

Гордость за сына была чувством сомнительным и быстро растворилась в зависти и горечи. Люциус завидовал Гальварусу — его молодости, наглой силе и даже его забывчивости. Впрочем, старый король сохранил достаточную ясность ума, чтобы признать: благодарность нельзя отнести к числу полезных качеств венценосных

особ. Люциус считал, что Гальварус поторопился со свадьбой, но гораздо сильнее его уязвило то, что сын даже не счел нужным представить ему свою избранницу. Если верить постельничему, та была русской принцессой...

Что ж, сын умудрился и в этом по неведению досадить отцу. Когда-то, много лет назад, Люциус сам женился на девушке королевской крови, однако на протяжении всей недолгой супружеской жизни они испытывали друг к другу только одно чувство. Это была тихо тлевшая ненависть.

Их брак оказался следствием дипломатической игры, свидетельством торжества политики россов на западе, и таким образом являл собой скрытую форму рабства. При всем том королева Майрина отнюдь не была уродлива. Напротив, ее красотой восхищались. На расстоянии. Она была опасна, как смазанный ядом клинок, а о ее жестокости и маниакальной подозрительности ходили легенды.

Еще одна маленькая деталь. Люциусу никогда не нравился ее запах. Неприятный, неопишуемый запах, во многом бывший причиной того, что супруг не проявлял в постели чудес мужественности.

В памяти Люциуса остался один особо красноречивый эпизод. Он возлег с Майриной вдрызг пьяным и очень скоро забылся крепким

сном. Но, как оказалось, не настолько крепким, чтобы не проснуться от резкой кратковременной боли в предплечье. Открыв глаза, он увидел, что королева сцеживает в непрозрачную бутылочку кровь из его вены. Она держала в руке ланцет, и ее лицо было таким странным и страшным, что Люциус вдруг утратил волю к сопротивлению. Он лежал, как покорный баран, покрывшись липким потом, пока операция не завершилась и Майрина не опечатала бутылочку сургучом.

Зачем ей понадобилась его кровь? Этого он не узнал никогда. Но с тех пор тревога и неуверенность уже не оставляли его.

А потом Булхар поразила холера, и королева умерла, не оставив детей. Люциус возблагодарил неведомого избавителя и пустился во все тяжкие, дабы удостовериться в своей мужской силе и утвердить пошатнувшееся достоинство. К тому времени влияние россов ослабло, и никто не навязывал королю новый брак. То были годы относительного покоя и процветания.

Мать Гальваруса осталась безвестной. Она сыграла свою роль — подарила королю наследника — и навсегда ушла со сцены. Возможно, на тот свет. Об этом побеспокоились люди Люциуса, чью верность он купил. Теперь судьба наградила его холодеющей постелью, пустотой в сердце и звуками чужого ликования за окном...

В отличие от своего отца, Гальварус сделал выбор самостоятельно. Или почти самостоятельно. Похоже, он не жалел об этом. Во всяком случае, новому королю было не занимать уверенности в себе. Росская принцесса нравилась ему. Он взял ее — о чем еще тут рассуждать? Гальварус жил одним днем и одной ночью, выжимая дни и ночи до предела. В этом была его сила и его слабость.

Как видно, со временем исчезали предубеждения против уроженцев Россиса. Извечные враги постепенно сближались, но Люциус был уверен, что друзьями им не стать никогда. Тайная война, соперничество и шпионаж будут продолжаться вечно или до полной победы одной из сторон. Судя по безрассудному поведению правителей рейха, этой стороной будут терпеливые и настойчивые завоеватели с востока.

...Люциус лежал и, за неимением лучшего занятия, предавался воспоминаниям. Наверное, у него были и другие внебрачные дети, готовые заявить о своих правах и начать борьбу за власть. Поэтому, во имя спокойствия в королевстве, он поторопился объявить королем Гавльваруса и если сожалел о чем-либо, то лишь о том, что жизнь вообще устроена так нелепо.

* * *

Слабым голосом он окликнул постельничего — почти такого же старика, как он сам. Тот угнетал Люциуса одним своим видом и шаркающей походкой. Старики живут среди призраков, и худшие из призраков те, что похожи на них самих. Это было невыносимо.

Люциус осведомился о лекаре. Выяснилось, что тот отправился за снадобьями к какому-то аптекарю-иудею. Старик решил, будто и этот пес, десятилетиями кормившийся крохами с его стола, наконец сбежал. В бессильной ярости он вцепился в край одеяла бледными немощными руками. Суставы на них вспухли и превратились в розовые шарики, соединенные тонкими фалангами... Ему показалось, что свечи чадят в душной полутьме. Он попытался встать, и злоба на весь мир придала ему сил. Люциус догадывался, что это его последняя схватка с неизлечимой болезнью под названием старость, схватка, которая лишь приблизит неизбежный конец, но не мог больше ждать.

Слуга бросился к нему с протестующими возгласами. Люциус ударил его наотмашь, разодрав отросшими ногтями кожу на щеке. Потом все же позвал к себе и приласкал в страхе потерять эту жалкую опору. Слуга помог ему добрести до окна и раздвинул тяжелые мертвенно-пыльные портьеры.

Ночь была за окном. Ночь, оттенявшая роскошь и шептавшая о соблазнах. Жизнь

продолжала издеваться над Люциусом. Свийя была залита огнями. В бедных кварталах вульгарно резвилась чернь, а над дворцовой площадью вспыхивали фейерверки, соперничая с полной Луной. По знаку Люциуса постельничий распахнул окно.

Воздух был по-вечернему свеж и доносил благоухание цветов. Звуки музыки, голоса людей и хлопки ракет сливались в непрерывный праздничный гул. Веселье выплеснулось на площадь. Король явил народу себя и новую королеву. Впрочем, блистающая атласом и бриллиантами толпа придворных оттеснила простолюдинов в ближайšie улицы.

Люциус увидел Гальваруса, появившегося на широких мраморных ступенях у парадного входа. Рыцари и военные салютовали ему, дамы приседали, покачивая колоколами пышных юбок, царедворцы склоняли убеленные фальшивыми сединами париков головы перед новой силой, почему-то не внушавшей спокойствия и уверенности. Фанфары надрывно ревели, добавляя свои голоса к общему гулу.

И тут Люциус отшатнулся от окна. Слуга вовремя подставил плечо и услышал сдавленный стон, вырвавшийся из уст хозяина. Взгляд умирающего был прикован к фигуре в белом подвенечном платье, возникшей рядом с молодым

королем.

Люциусу показалось, что он теряет рассудок. Кровь отлила от лица. Воспоминание обрело плоть и стало пугающе реальным. Всего лишь знакомый образ — но на пороге смерти он приобрел зловещее значение.

В молодой королеве Люциус узнал Майрину. Немыслимое сходство, вернее — полная идентичность. Походка, жесты, аура — ошибиться было невозможно. В его восприятии ее лицо увеличилось во много раз, стало центром маленького удушливого мирка, и все закружилось вокруг этого лица в тошнотворном хороводе...

Потом Майрину обступили имперские офицеры, охранявшие свою принцессу, и Люциус ненадолго потерял ее из виду. У него было время, чтобы попытаться удержаться в утлой лодчонке здравомыслия, но со всех сторон уже накатывали опрокидывающие волны страха. Майрина вернулась к нему спустя десятилетия символом его окончательного и жалкого поражения...

Он снова увидел королеву. Она смотрела прямо на его окно и, без сомнения, тоже узнала старика, потому что на ее лице вдруг мелькнула улыбка злобного торжества.

Если до этой секунды Люциус еще в чем-то сомневался, то теперь любые сомнения исчезли. Под левой грудью появилось шило; оно медленно

подступало к сердцу, а старик не мог издать ни звука. Его дыхание прервалось, как будто кто-то вставил пробку в трахею. Воздух оказался запертым в легких, и Люциус застыл с выпученными глазами.

Белая фигура, закутанная в саван вместо платья, отразилась в них. От нее протянулись нити колдовства, отбирающего жизнь. Тварь из Россиса явилась за ним и убила Люциуса быстро и чисто, даже не прикоснувшись к его дряхлому телу.

Шум и бурлящая толпа отвлекли внимание постельничего. Старый слуга был нерасторопен и не успел поддержать хозяина во второй раз. Люциус выпал в окно легко, как пустотелая кукла, не издав ни звука. К этому моменту он был уже мертв и избавлен от позора.

Он упал прямо на пики гвардейцев, выстроившихся вдоль фасада. Наконечник пробил его горло, а сам мертвец едва не сломал шею одному из солдат. Сцена получилась некрасивая, унижительная, кровавая. Полуголый обезображенный старик закончил свой земной путь, распластавшись в узкой полосе тени под стенами собственного дворца.

7

Когда Гальварус наконец утомился и заснул, Тайла продолжала лежать на спине с открытыми

глазами, глядя на расшитый тонкими узорами полог. Первая брачная ночь оказалась еще менее приятной, чем она ожидала.

Вплоть до того момента, когда супруги уединились в спальне короля, ее преследовало ощущение нереальности происходящего. Даже в самый разгар праздника существо, у которого было тело женщины, но не женская душа, предчувствовало насилие и сопротивлялось неизбежному. Оно всерьез помышляло о побеге, но имперские офицеры сопровождали Тайлу повсюду. Исключение составляли лишь самые интимные уголки дворца, но в таких местах принцессу сторожил и преследовал страх перед духовником Грегором.

Сектант считал, что выбрал идеальное прикрытие, тем не менее с первого взгляда этот низкий лысый человек с повязкой, прикрывавшей один глаз, больше напоминал торговца запретным товаром, нежели представителя монашеского племени.

После смерти Люциуса ночь приобрела и вовсе печальный оттенок. В ней смешались гибель, противоестественная любовь и бесплодные попытки зачать новую жизнь. Для Тайлы это была еще и ночь чудовищного унижения. Зато Ансельму и Вальцу было присуще коварство, ставшее почти инстинктивным. Страх превратился в стойкую и

неистребимую ненависть.

Супруг овладел ею грубо, прямолинейно, не теряя времени на пустопорожние ласки. Она до сих пор вздрагивала от отвращения, вспоминая его бледное голое тело с наметившимся животом, его мокрые жадные губы и запах плохо выделанной кожи, исходивший от рук, виной чему были перчатки. Гальварус делал свое дело настойчиво, но без особого воодушевления, словно хотел получить некие гарантии зачатия. Он был одержим единственной страстью — к обладанию. Это касалось не только женщин, и потому будущее Булхара представлялось туманным.

Тайла не задумывалась о том, чего добивалась от нее секта. Она не думала об этом даже тогда, когда королю были предъявлены неоспоримые свидетельства ее девичества, о чем тоже заблаговременно позаботился мастер Грегор. Она очутилась между молотом и наковальней, но не подозревала об этом. По неведению жуткую роль уготовил ей и Гальварус, заронив в ее лоно свое семя...

Король захрапел, задрав подбородок кверху. Его сильно выступающий кадык наводил Тайлу на нехорошие мысли. Если бы Гальварусу не было отведено соответствующее место в ее неосознанных планах, она покончила бы с ним здесь и сейчас. Самодовольное и сильное животное спало рядом,

еще не догадываясь о том, что угодило в ловушку. Судьба наказывает расслабленных и самодовольных. Тайла вдруг поняла, что это не ее мысль. Это также не была мысль Преподобного Ансельма, склонного к более изящным умопостроениям. Циничная фраза, засвидетельствовавшая печальный личный опыт, могла прозвучать из уст висельника Вальца, если бы у него были уста.

Тайла раздвинула полог и тихо соскользнула со смятых простыней, испачканных куриной кровью. Каминный огонь не прогрел огромную спальню, но исходящий от каменного пола холод не вызвал у королевы даже легкого озноба. Любая одежда сейчас стеснила бы ее движения, и потому Тайла осталась обнаженной. Ее пустой, ничего не выражающий взгляд замер на оружии Гальваруса, разложенном будто напоказ. Оружие для парада, а не для боя. После недолгих колебаний Тайла остановила свой выбор на небольшом, но хорошо сбалансированном кинжале и собрала в охапку одежду короля.

Спальни супругов находились рядом; их разделяла узкая, низкая и не слишком приметная дверь, которую можно было принять за резную деревянную панель. Дверь оказалась не заперта. Отворив ее, Тайла попала в свои владения.

Здесь было еще холоднее и совершенно

темно. Слабый свет из соседней спальни проникал не дальше порога. Очевидно, никто не предполагал, что этой ночью королева вернется к себе. Она и сама не предполагала ничего подобного, но после любовной пытки что-то сломалось у нее внутри.

Она закрыла дверь и сделала несколько шагов в крошечной тьме. Положила на пол одежду и кинжал, приготовилась зажечь свечу. В этот момент свет вспыхнул сзади — не теплый и подрагивающий свет горящего фитиля, а ровное бело-голубое сияние, превращающее кожу в гладкий мертвый мрамор. Кроме того, источник света находился выше ее головы.

Тайла медленно обернулась. Вряд ли ей следовало опасаться здесь кого-либо. Но одного человека она боялась по-настоящему, ощущая его присутствие каждой клеткой тела, которое сделалось подобным паутине, улавливающей легчайшие дуновения воздуха.

И она не ошиблась. Очертания низкой темной фигуры угадывались под режущим глаза пятном Луны. Эта фигура принадлежала Грегору. Светящийся шар поплыл к Тайле, и она смотрела на него равнодушно, потому что у нее было весьма ограниченное представление о том, что такое небесные светила и что такое волшебство.

Повязка на лице Грегора была поднята и облежала голову черным обручем. Пустая левая

глазница была открыта, и в ней шевелилось что-то, похожее на детский пальчик, который ощупывал края незакрывающихся рваных век. Тайла ощутила странное влияние, затруднявшее движения и дыхание, будто воздух в комнате стал жидким. Несмотря на лед, сковавший ее конечности, она понимала, что сектант пока использует свою силу всего лишь для запугивания. Однако и этого было достаточно.

Грегор подошел ближе. Щурясь, она могла разглядеть черты его лица. Он улыбнулся, но эта улыбка не обещала ей ничего хорошего. Тайла попыталась опередить его.

— Как ты смеешь? — прошипела она еле слышно, чтобы не разбудить Гальваруса. — Кто пустил тебя сюда?

Вместо ответа он дал ей пощечину. Когда ее голова вернулась в прежнее положение, Тайла услышала тихий проникновенный голос:

— Это первый урок. Не забывайся. Возвращайся к своему мужу и постарайся быть хорошей женой. Ты меня понимаешь?

Она с трудом кивнула. Поднимать шум было не в ее интересах. Очередное унижение почти уничтожило ее, но именно сейчас она почувствовала, что для нее все только начинается. Ее тройственная природа была не разрушительной болезнью, а спасением на краю пропасти.

— Ступай к королю! И впредь не заставляй меня быть непочтительным...

Грегор был обманут ее покорностью. Она присела, чтобы поднять одежду мужа, и на какое-то мгновение выскользнула из лучей магического света. В следующую секунду кинжал мелькнул в стоячем воздухе и вонзился под правую ключицу мастера.

Бросок получился не очень сильным, а кинжал не был метательным ножом, однако Грегор не потрудился надеть доспех. Клинок пробил одежду и довольно глубоко вошел в тело.

Это заставило сектанта замолчать. Миниатюрная Луна, освещавшая спальню, метнулась вверх, и холодный свет выхватил из тьмы альковные сцены, коими был расписан потолок.

Грегор начал медленно оседать на пол, сопротивляясь охватывавшей его слабости. «Детский пальчик» с кривым жалом вместо ногтя судорожно забился в глазнице. Луна выписывала сложные фигуры под потолком и вдруг упала на пол. В ее гаснущем сиянии клубилась потревоженная пыль...

Что-то метнулось к Тайле — неразличимое и стремительное, но едва ли похожее на птицу, — и оцарапало ее щеку.

После этого членистое тельце оказалось на

лбу у Грегора и, содрогаясь, спряталось в своей пещере. Тайла смотрела на лежащего мастера. Рана, нанесенная кинжалом, оказалась не смертельной, но крови пролилось много. Тайла не знала этого и посчитала Грегора мертвым.

Ее растерянность продолжалась всего минуту; голому существу нелегко соображать в холоде и темноте. Она попыталась прибегнуть к превращению впервые с того момента, как ощутила себя женщиной в наполненном землей саркофаге.

Ей предстояло вспомнить нечто забытое. Использовать память тела, которой не могло быть, тем не менее в самом ее отсутствии содержалось некое магическое равновесие. А еще Тайлу подстегивал страх. Теперь, когда отступать было некуда, она заподозрила, на что обрекла себя.

* * *

Желание.

Необходимость.

Нестерпимость.

Распад.

Нездешний покой.

Неживые тени, танцующие вне времени.

Наконец, слияние с самой собой внутри яйца, оплодотворенного колдовством. Липкие струи отвердевали и становились плотью; фрагменты

ощущений складывались в непрерывно существующее сознание. Радость и кошмар просыпались одновременно. Пробуждение вызвало ужас — новое существо явилось в мир нагим и беззащитным, как младенец. Только ему не было даровано при этом счастливое неведение...

Прежний холод окружал его. Прежняя тьма, пронзенная единственным светящимся столбом. В этих украденных лунных миазмах появился высокий мужчина с черными всклокоченными волосами. Он осмотрел свое тридцативосьмилетнее тело и, по-видимому, остался доволен им. Это было худое, но сильное тело человека, который часто голодал и много сражался. Старые шрамы составили рельефный рисунок на его коже; самый большой и черный рассекал пополам лоб. Странный наклон головы придавал мужчине несколько иронический вид.

Расчленитель Вальц засмеялся. В тусклом свете, падавшем снизу, его лицо исказил жутковатый оскал, но единственный свидетель этого лежал без чувств у его ног. Вальц смеялся вначале тихо, потом громче, пока не вспомнил, что еще не свободен.

Выбор лазаря был не случаен. Инстинктивно он предпочел одряхлевшему Ансельму того, кто был способен лично сражаться и, если потребуется — убивать. Исполнителя, а не организатора. Того,

кто не остановился бы ни перед чем.

Так Вальц снова появился на земле спустя пару месяцев после казни.

8

Вальц склонился над телом мастера и протянул руку к его лицу, казавшемуся восковым. Тень этой руки запрыгала на потолке, как огромная летучая мышь. Пальцы у Вальца были длинные, а отросшие ногти загнуты книзу. Он раздвинул ими веки Грегора и попытался извлечь насекомое. Ядовитая тварь была гладкой, скользкой и цеплялась за края своей слизистой норы.

С застывшей улыбкой Вальц вытащил из груди Грегора нож и поддел насекомое лезвием. Вероятно, он повредил панцирь, но извлек тварь из глазницы, слегка испачкав в крови. За нею тянулись белесые нити, которые обрывались с пискот тончайших струн.

Насекомое оказалось легким, как бы пористым, но эти поры были неосязаемы. Теперь, вне тела Грегора, оно испускало гнилостный свет, будто было окутано зеленоватой пеленой. Вальц положил его в рот и хладнокровно разжевал.

За его спиной распахнулась маленькая дверь, соединявшая спальни. Лазарь стремительно обернулся. Собственная нагота никак не стесняла

его, тем более что вероятный противник тоже был почти голым.

Гальварус, возникший на пороге спальни, обвел его мутным, непонимающим взглядом, который так и не прояснился, когда король взревел:

— Какого дьявола?!.

В тишине его хриплый спросонья голос прозвучал оглушительно. Вальц подумал, что крик должен был разбудить по крайней мере слуг, находившихся поблизости от спальни королевы. Благодаря темноте и некоторой растерянности Гальваруса, застигнутого врасплох, он получил заметное преимущество. Король не успел больше ничего сказать. Разделявшие их несколько шагов Вальц преодолел раньше, чем стихло гулкое эхо.

Его кулак врезался в переносицу Гальваруса и тот зарычал от боли. Вальц продолжал наносить жестокие удары до тех пор, пока король не вывалился в свою спальню и распростерся на полу. К этому моменту его лицо напоминало мокрую подушку из багровой ткани.

Раздался робкий стук в дверь. Кто-то осведомился о желаниях Его Величества.

— Убирайся! — заорал Вальц, не слишком беспокоясь о том, похож ли его голос на голос Гальваруса. Он снимал белье с бесчувственного тела и натягивал его на себя. Оно было теплым, чуть влажным и с пятнами крови, но среди

многочисленных недостатков Вальца никто никогда не отмечал излишней брезгливости.

Велико было искушение лишить Гальваруса предмета его мужской гордости, незадолго до этого терзавшего лоно Тайлы, однако король мог истечь кровью раньше, чем кто-либо пришел бы ему на помощь. Кроме того, Вальц понял, что заполучил ценного заложника, и уже сообразил, как выбраться за пределы дворца и беспрепятственно покинуть Свийю.

Кто-то несколько раз с беспокойством воззвал из-за двери, потом в коридоре раздался шум. На этот раз Вальц не потрудился ответить. Он сидел, прислонившись спиной к глухой стене, и обнимал голого короля. Не слишком приятное объятие, но что поделаешь... Со стороны они выглядели как отдыхающие любовники. Одна рука Вальца охватывала грудь Гальваруса, другая держала кинжал, приставленный к королевскому горлу и почти незаметный под каштановой бородой.

В коридоре собрались стражники и принялись выламывать дверь. Еще несколько человек проделывали то же самое с дверью, ведущей в спальню королевы. Вальц позволил себе немного расслабиться; он равнодушно прислушивался к ударам топоров и жалобному скрипу дерева.

Вскоре Гальварус зашевелился в его объятиях. Это был сильный мужчина, который еще мог

преподнести не один неприятный сюрприз. Вальц слегка придушил его и напомнил о кинжале, проколов острием кожу. Король вяло подергивался, приходя в себя и осмысливая положение, в котором оказался.

— Что тебе нужно? — просипел он наконец, скашивая глаза и безуспешно пытаясь увидеть лазаря.

— Совсем немного. — Вальц говорил в самое ухо, наблюдая за тем, как расщепляются доски вокруг засова. — Верхнюю одежду, оружие и закрытые носилки. Для двоих.

— Ты не уйдешь далеко.

— А мне казалось, что ты хочешь пожить еще немного. Королевство, богатство, молодая жена — разве мало причин быть послушным?

— Что с ней? — спросил Гальварус, видимо, обеспокоившись о своей собственности.

— С ней все будет в порядке. А теперь останови своих псов!

В этот момент дверь вылетела, рассыпавшись на остроконечные обломки, и в спальню ворвались около десятка человек — полуодетые рыцари и хорошо вооруженные стражники. Почти одновременно люди короля появились и со стороны соседней спальни. Пылающие факелы ярко осветили фигуру голого короля и руки спрятавшегося за ним неизвестного.

Вальц подкрепил свой приказ еще одним болезненным уколом, и Гальварус поспешно рывкнул: «Стоять!» Это несколько отрезвило его подданных, еще не успевших понять, что происходит. На лицах рыцарей, знавших о первой брачной ночи короля, было написано недоумение.

Лазарь не понимал, каково сейчас Гальварусу. Он нанес королю тягчайшее оскорбление, но что это значило в сравнении с тем, что Вальц перенес когда-то? Так, легкий флирт со смертью... Сейчас в его сторону были нацелены несколько клинков и три арбалета. Голова и туловище Гальваруса служили неплохим прикрытием, а место возле стены он выбрал так, чтобы его не могли обстрелять из окон.

Раздавшиеся возгласы свидетельствовали о том, что в спальне королевы нашли изуродованного Грегора. Но те, кто понимал хоть что-нибудь, уже искали взглядом Тайлу...

— Молчите все! — выдохнул Гальварус, перекрывая шум и давясь от ненависти. Он все еще не терял надежду вырваться, но нажим клинка на горло не ослабевал. Достаточно было одного движения, чтобы отправить короля на тот свет. Он почувствовал, как его захлестывает волна бешенства. Придворные, бессильно и тупо взиравшие на его позор, раздражали Гальваруса не меньше, чем приклеившийся сзади мерзавец. Где-то

на периферии сознания появилась мыслишка о том, что кто-то из них — наверняка предатель. Иначе как неизвестный сумел проникнуть в королевские покои?

* * *

Спустя три часа шестеро безоружных носильщиков опустили свою ношу в чаще старого леса, растущего севернее Свийи. После того как они оказались за пределами города, им пришлось двигаться, подчиняясь глухим командам, доносившимся из закрытых носилок. Еще через некоторое время, углубившись в лес, они потеряли из виду большой конный отряд, который следовал за ними в отдалении. Голос заставлял их неоднократно менять направление, пробираться через густые заросли, переходить вброд холодные лесные ручьи, преодолевать завалы из мертвых деревьев, пока наконец не объявил об окончании этой пытки. По приказу короля все шестеро разошлись в разные стороны. Им предстояло до наступления темноты найти дорогу к городу или погибнуть.

Человеку, который заставил выбраться из носилок изрядно продрогшего Гальваруса, было наплевать на это. Сам он был полуодет, но не обнаруживал никаких признаков замерзания. Его

кожа осталась гладкой, хотя и приобрела лиловый оттенок, обезобразивший местами подозрительную белизну.

За время вынужденного путешествия Гальварус неоднократно предпринимал попытки бежать, отчего теперь на его горле имелось множество неглубоких, но кровоточащих ран. Последняя, едва не лишившая короля речи, вразумила его, и больше он уже не дергался, признав свое временное поражение.

Черноволосый человек провел острием кинжала по телу короля. Тот решил, что приближается его последняя минута. Но лазарь не стал убивать, а только спокойно и расчетливо, как мясник, четырежды проткнул мякоть высокородной королевской плоти. Два удара в каждое из бедер и два — в мышцы рук, чуть повыше локтей.

Гальварус рухнул на землю, кусая траву от боли и бессильной ярости. Мерзавец поступил с ним так же, как поступают с незначительной добычей охотники, когда преследуют более крупного зверя.

Он лежал, прислушиваясь к удаляющимся шагам черноволосого. Они стихли очень быстро. Раненому королю оставалось только молиться и гадать, кто найдет его раньше — люди или волки. Впрочем, сейчас он был легкой добычей даже для лисенка. Лес уже узнал о его присутствии и

готовился переварить чуждую плоть. Мельчайшие твари изучающе ползали по бледнеющему лицу Гальваруса; в землю по каплям уходила его кровь, и с нею уходили силы.

Он попытался встать на колени, но боль пронзила конечности, голова закружилась, и король повалился набок. Он услышал низкий ритмичный звук, как будто где-то за горизонтом сотрясалась кожа гигантского барабана. Звук был зловещим, и его приближение означало смерть. Гальварус знал это, хотя и не понимал, откуда взялось такое знание. Неоспоримое, как наступление ночи.

То, что он принял за грохот далекого барабана, было нарастающим шумом в его голове.

9

Отряды королевской пехоты прочесывали лес. Все дороги к северу от столицы были перекрыты конными частями. Люди короля обыскивали замки, деревни, трактиры, караваны, даже дипломатические экипажи. Особенно усердствовали сектанты, сопровождавшие Грегора. Это был один из тех редких случаев, когда россы и рыцари Гальваруса действовали заодно.

К вечеру солдаты обнаружили трех из шести носильщиков, а спустя час — самого короля. Потерявшего сознание, но еще живого. После этого

все силы были брошены на поиски скрывшегося преступника.

Кольцо окружения было плотным и основательным. Просочиться сквозь него не мог бы даже зверь. Несмотря на установившуюся к ночи ненастную погоду, кольцо продолжало сжиматься. Вскоре внутри него остался только небольшой участок леса, примыкавший к северо-восточному тракту.

* * *

Таверна «Паучий холм» была не единственным заведением подобного рода на оживленном тракте и далеко не самым лучшим. Своим названием она была обязана, во-первых, тому, что действительно стояла на невысоком холме, похожем на живот неумеренного любителя пива, а во-вторых, слабости, которую хозяин таверны питал к паукам. В результате эти твари водились здесь в неимоверном количестве, заплетали сетями паутины углы и окна, ползали по столам и в самые неожиданные моменты сваливались с потолка, рискуя угодить в чью-нибудь кружку.

Как следствие, народ приличный и денежный редко останавливался в «Паучьем холме», отдавая предпочтение местам более чистым и

предсказуемым.

В тот вечер посетителей тоже было немного. Хозяин играл в кости с подозрительным типом, обезображенным оспой. Два небогатых купца хмуро пили вино, усевшись поближе к очагу, а на первой от входа лавке устроился монах-доминиканец. Он пришел на закате и попросил пива; хозяин сразу же смекнул, что на большее у святоши нет денег, и тотчас же забыл о нем. Одной кружки монаху хватило надолго. Он сидел, скромно потупившись и спрятав лицо в тени поднятого капюшона.

Так они собирались скоротать вечер, застигнутые темнотой в «Паучьем холме». Снаружи доносился скрип вывески, которую раскачивал на цепях ветер; внутри потрескивали дрова и тихо ругался рябой. Потом к этим звукам добавился стук копыт и собачий лай, сменившийся визгом.

Хозяин насторожился. Всадники в количестве более двух исключительно редко появлялись у его дверей, а этих, судя по всему, было не менее десятка.

Однако в таверну вошли всего трое. Остальные, как догадался хозяин, удивившись еще сильнее, окружили дом. Он отложил кости, подмигнул уроду и поднял свое грузное тело навстречу гостям. Рябой, за которым водилось немало грешков вроде мелких краж на базарах,

даже как-то уменьшился в размерах.

Когда-то в «Паучьем холме» уже останавливались чужеземцы из Моско. Хозяин запомнил их как не очень приятных, но вежливых и не слишком придирчивых постояльцев. На этот раз с ними был рыцарь, и все трое были настроены далеко не благодушно.

Начался дождь; капли влаги блестели на серых волчьих мехах, которыми были оторочены плащи россов. Вывеска закрипела еще жалобнее. Плохая ночь, особенно для тех, кому приходится делать грязную работу...

Хозяин выдавил из себя улыбку и начал витиевато приветствовать гостей, но рыцарь обошел его, не дослушав, и тяжелым шагом направился в сторону кухни. Здесь он презрительно покосился на кухарку, осмотрел все темные углы и даже проткнул ножами огромную охапку сена, возле которой дремали козы.

Хозяин замолк. В наступившей тишине был слышен только свист ветра, шум дождя и скрип сапог. Россы изучали обращенные к ним застывшие лица купцов. Потом один из имперских офицеров сделал шаг влево и оказался рядом с таинственным монахом, склонившимся над пустой кружкой. Быстрым и бесцеремонным жестом он сдернул капюшон с головы сидящего.

Хозяин впервые увидел лицо человека,

которому подавал пиво. Оно оказалось морщинистым, изможденным, отмеченным печатью смертельной болезни. Пожелтевшие волосы топорщились, словно птичьи перья; обесцвеченные и воспаленные глаза блестели под вспухшими красными веками.

Старик раздвинул губы и прошептал что-то на давно забытой латыни. То ли молитву, то ли проклятие. У него не осталось зубов, а десны напоминали затвердевшие рваные губы. Пальцы со вздутыми суставами неловко цеплялись за кружку.

Россы сразу же потеряли к нему всякий интерес. Один из них подошел к окну и попытался выглянуть наружу. Ему мешала седая пыльная завеса паутины, почти полностью скрывшая стекло. И тут хозяин увидел, что завеса шевелится, хотя росс и не думал дотрагиваться до нее. Паутина вздрогнула, стряхнув с себя многолетнюю пыль, и начала подниматься вверх...

Рыцарь остановился за спиной хозяина и развернул того лицом к себе. Потом скучным голосом произнес то, что уже неоднократно произносил за этот вечер:

— Высокий мужчина в сером плаще, короткие черные волосы, голову держит набок, лоб рассечен, длинные изогнутые ногти... Видел такого?

Хозяин испуганно покачал головой. Все, кого он видел за последние сутки, находились тут же.

Рыцарь хмыкнул, словно не ожидал ничего другого, и ткнул его кулаком в живот. При всем своем громадном чувстве юмора хозяин понял, что это совсем не шутка. В уставившихся на него зрачках была опасная пустота.

— Если увидишь, то вспомнишь, что надо делать, правда?

— Да, господин.

Рыцарь в последний раз обвел брезгливым взглядом сумрачные внутренности «Паучьего холма». Люди, искавшие мужчину с рассеченным лбом, плотнее закутались в плащи и вышли в холод и дождь.

Рябой нетерпеливо застучал костями по столу, все еще лелея надежду отыгаться. Купцы вернулись к вялой беседе. Всадники убралась в сторону города. Старик монах смотрел в свою кружку остекленевшими глазами.

Внезапно хозяин понял, что это вовсе не старик. Развалина — да, но вряд ли достигшая пятидесятилетия... Когда монах улыбнулся, хозяйина пробрала дрожь. Нечасто ему приходилось видеть на лицах умирающих выражение такой сокрушительной мстительной радости.

Глава вторая

Охотящаяся в ночи

Ее дом — среди холмов.

Ее ложе — могила.

«Роллинг Стоунз». Леди Саманта

1

Лазарь уходил на северо-запад, оставив позади отвратительное место под названием «Паучий холм». Место, в котором ему повезло, но он еще ничего не знал о везении и судьбе. Все, что с ним происходило, он воспринимал как само собой разумеющееся; все, что надо было делать самому, он совершал не задумываясь. Сила гораздо более мощная, чем инстинкт, управляла им. Инстинкт можно обуздать, зову плоти противопоставить волю, но то, что руководило лазарем, не поддавалось осознанию и изменению.

Беззвучный призыв плыл из-за горизонта. Оттуда, где заходит солнце. Сейчас солнце взошло в противоположной стороне и посеребрило верхушки деревьев. Влажный лес наполнился голосами птиц. В утренней мгле вызревали опасности — вполне реальные, в отличие от ночных страхов. Лазарь все еще избегал дорог и двигался прямо через чащу.

Очень скоро он понял, что изношенное тело Ансельма мало подходит для дальнейшей пешей

прогулки. У монаха были слабые ноги, болезненное сердце, сведенные вечной судорогой пальцы и подслеповатые глаза. Ансельм — воплощенная жертва. Немного жалкая, безвинная и безопасная, — идеальное прикрытие для тех случаев, когда надо ввести в заблуждение превосходящего по силе противника, как, например, это произошло вчера. Что-то подсказывало лазарю, что Расчленителя Вальца тоже следует поберечь для неизвестной, но тяжелой работы. Кровавой работы... Кровавый, кровь — эти слова еще ничего не значили для лазаря.

Его выбор пал на легконогую и хрупкую Тайлу. Сбросив рясу, он остался нагим. Через мгновение на Ансельма обрушилась беззвездная ночь. Ни боли, ни сомнений. Он исчез на долю секунды, и воздух хлынул в образовавшуюся каверну; но человекоподобное существо, дитя некромантии, тут же вернулось из небытия, только теперь у него было другое тело. Воздушная волна ударила во все стороны и стряхнула с веток дождевые капли.

Принцесса Тайла зябко повела прекрасными, будто отлитыми из молочного стекла плечами и поспешно набросила на себя монашескую рясу, показавшуюся ей необыкновенно грязной и тяжелой. Вдобавок ряса была слишком длинной; Тайле пришлось подкатить полы и придерживать

их руками.

Лазарь пошел дальше, ощущая себя прежним существом, сменившим внешнюю оболочку, но не женщиной, и тем более — не принцессой. Через некоторое время нежные ноги были исцарапаны, холод подкрадывался к паху и скапливался в коченеющих конечностях. Это было неудобно, но не смертельно.

Тайле пришла в голову простая мысль неизвестного происхождения: чтобы достичь цели, она должна была раздобыть коня, оружие, теплую одежду. То, что годилось для монаха-паломника, не устраивало юную девушку, не говоря уже о мужчине, умеющем и любящем убивать...

Спустя два часа, притаившись в кустарнике, она наблюдала за королевскими солдатами, которые прежде стояли в оцеплении, а теперь возвращались в столицу. Человек, покушавшийся на короля, так и не был пойман. Солдаты уходили, втайне радуясь тому, что следующую ночь проведут в теплых казармах.

Колонну сопровождали имперские офицеры из охраны Ее Высочества. Эти были гораздо опаснее и целеустремленнее; для них еще ничего не закончилось — до тех пор, пока принцесса не найдена, каждый из них оставался потенциальным смертником.

А награда была совсем близко. Заляпанная

грязью ряса сливалась с побуревшей листвой, полностью маскируя лазаря. Тайла смотрела на удалявшихся солдат, не отрываясь и не мигая. Это были враги; ее наивная вера не нуждалась в подтверждении. Собственно, врагами были все, кто мог помешать ее движению на северо-запад. Дикие звери, вооруженные и даже безоружные люди, вставшие на пути по собственной глупости. Неуклонному и бездумному устремлению лазаря мог бы позавидовать бешеный пес.

* * *

...Тайла выбралась на опустевшую дорогу, изрытую каблуками и копытами. Дорога немного отклонялась от луча, вдоль которого было предопределено двигаться сбежавшей принцессе, но зато идти по ней оказалось гораздо легче.

Она села и равнодушно осмотрела свои ноги. Ступни были покрыты коркой коричневой грязи и черного липкого вещества, похожего на смолу. Из ран торчали стебли травы. Длинный порез под правым коленом образовался, когда она переходила лесной ручей. Раздвинув края пореза, она увидела то, что находилось под поврежденной кожей. Темное мясо и то же черное вещество, которое, высыхая, осыпалось, как пепельный порошок...

Еще одно напоминание, будто что-то извне

подсказывало пассивному мозгу: лошадь, оружие, обувь, одежда.

Лазарь шел до полудня, оставляя на дороге частицы своего тела в виде мельчайших черных гранул. Дважды Тайле пришлось прятаться — издали она увидела множество всадников и экипаж под солидной охраной... Дорога неизвестного ей королевства оказалась не слишком оживленной, хотя принцессе не с чем было сравнить. Она терпеливо ждала удобного случая и продолжала идти, пережевывая древесную кору. Горечь растекалась во рту, но кора содержала вещество, которое придавало силы. Несколько раз Тайла останавливалась возле лошадиных экскрементов. Лепешки были еще свежими и сохраняли тепло. Она прятала их под рясу и согревала ими свое тело. Не самый приятный способ согреться, но в ее положении — едва ли не единственный.

День, начинавшийся с ясного утра, закончился набегом темных дождевых туч. Стало темнее и еще прохладнее. Пошел морозящий дождь. Дорогу развезло; вода заполняла колеи, проложенные колесами карет, и отпечатки лошадиных копыт...

Тайла услышала отдаленный шум, рванулась в сторону, но внезапно передумала. Всадников было всего трое. Они не могли не иметь при себе оружия — трудно поверить в то, что они так же плохо подготовились к опасной дороге, как Лазарь,

и путешествуют налегке.

Мозаика из трех непреодолимых желаний сложилась в ее искаженном сознании. Рядом были лошади, оружие и одежда. Все это принадлежало трем весьма уязвимым существам.

* * *

Девушка сбросила с себя рясу. От холода ее соски затвердели и превратились в подобия двух маленьких округлых камешков. Она присела и приняла позу зародыша...

Издали завидев ее фигурку на обочине дороги, всадники переглянулись и засмеялись. Это были грубые, сильные мужчины, не умевшие отказать себе в бесплатном удовольствии.

* * *

...Вальц медленно выпрямил одеревеневшую спину, показав небесам свою знаменитую улыбку, и убрал со лба прядь спутанных волос. Он испытывал только одно маленькое неудобство — мир предстал перед ним перекошенным. Почему-то голове Расчленителя больше нравилось правое плечо. Настолько нравилось, что она никак не хотела склоняться к левому.

Передний всадник начал тереть себе глаза.

Еще несколько секунд назад ему казалось... Пальцы сами собой сложились в знак, отгоняющий нечистую силу. Всадник был булхарским гвардейцем и сопровождал двух россов, которые отправились на поиски похищенной принцессы. Впервые в жизни он видел такого странного сумасшедшего и мог поставить свое полугодичное жалованье на то, что у того сломана шея. Но счастливая улыбка на лице блаженного заставила бы усомниться в чем угодно. Гвардеец не знал, что эта улыбка вызывала озноб не только у него...

Вальца несколько не смущало собственное невыгодное положение. Он забыл о рясе, валявшейся на дороге и пахнувшей лошадиным дерьмом. Еще бы — он увидел целых три приличных костюма! Однако намного более важным ему казалось другое: здесь была жизнь, солнце, скрытое облаками, существа, звуки, красота.

И значит, здесь была смерть.

Вальца пронзила радостная дрожь, внешне неотличимая от судорог. Он сделал шаг по направлению к приближающимся всадникам и вышел на середину дороги.

* * *

...Трое и не думали останавливаться. Их

могла заинтересовать девчонка, но никак не голый сумасшедший мужик. Один из россов, правда, заметил, что мускулы бродяги не уступают его собственным. Еще через пару секунд он понял, что его рефлексы слишком замедленны, чтобы противостоять безоружному дьяволу.

Булхарский гвардеец хлестнул безумца плетью, отгоняя из-под лошадиных копыт. Тот принял удар, не пытаясь закрыться и даже не изменившись в лице. Его лоб и прежде был рассечен, а теперь лиловая полоса пролегла от волос к скуле, и получился обезобразивший лицо крестом двухцветный крест.

Все произошло мгновенно. Гораздо быстрее, чем белая лошадь булхарина пронеслась мимо Вальца. Движение лазаря было неуловимым. Он перехватил руку, державшую плеть, и выдернул гвардейца из седла.

Росс, скакавший в пяти шагах позади, успел ощутить если не страх, то хотя бы его первый симптом — холодок в желудке. С ним произошла странная метаморфоза. Он почувствовал себя так, будто сам был голым и безоружным, а человек, стоявший на дороге, уже не казался ему свихнувшимся нищим.

Булхарин рухнул на дорогу прямо перед его лошадью, и росс ничего не сумел поделать, чтобы отвести смерть. Хрустнул пробитый копытом

череп; лошадь споткнулась и едва устояла на ногах, сбившись с шага. Человек в седле опасно покачнулся, и все же его кисть привычно легла на рукоять меча и потянула клинок из ножен.

Вальц распростерся в грязи, но только для того, чтобы позаимствовать меч у мертвеца. Над ним нависла туша третьей лошади, поднятой россом на дыбы. Ударом снизу лазарь вспорол ей живот и даже не потрудился убраться из-под кроваво-коричневого дождя, хлынувшего из раны.

Обезумевшее от боли животное шарахнулось в сторону; его ржание перешло в захлебывающийся клетот. Лошадь сбросила всадника в двух десятках шагов от Вальца, но росс приземлился относительно благополучно. За его спиной висел малый арбалет — необычное оружие для офицера, однако на то, похоже, были особые причины... Лошадь понеслась по дороге, волоча за собой клубок вывалившихся кишок.

Тем временем лазарь уже вскочил на ноги и отразил удар другого росса, удержавшегося в седле. Вальц и сейчас действовал предельно рационально и безжалостно. Новой атаки не последовало. Он ударил мечом по лошадиной морде. При этом он не только перерубил уздечку, но и проломил челюсть четвероногой твари. Когда лошадь проскакала мимо, разбрасывая кровавую слюну, ему оставалось только нанести удар в спину всаднику, который не

имел физической возможности закрыться. Росс с поврежденным позвоночником вывалился из седла, и Вальц прикончил его, вогнав меч в горло над верхним краем кожаного жилета.

В этот момент что-то сильно ударило в спину его самого. Лазарь был вынужден сделать два шага вперед, чтобы остаться на ногах. Он снова поднял окровавленный меч и, развернувшись, принял боевую стойку.

Человек, только что выпустивший стрелу из арбалета, смотрел на него со смутно знакомым Вальцу выражением. Это был не простой и понятный страх. Во взгляде неизвестного сквозил ужас, который порождает сверхъестественные вещи. Иногда так смотрели на Вальца его жертвы, но это было в той, прошлой жизни. От нее остались лишь рефлексy убийцы и обрывки воспоминаний.

Он не мог видеть причину неожиданного удара и не знал, что под его правой лопаткой торчит стрела, едва не пробившая тело насквозь. Зато он знал, сколько примерно времени требуется на то, чтобы взвести арбалет. По его расчетам выходило, что времени у росса не осталось. Совсем.

Через три секунды лазарь оказался рядом с ним. Человек успел отбросить бесполезную игрушку и извлечь из ножен меч. Один к одному — соотношение сил было для Вальца непривычным и даже каким-то оскорбительным. В лучшие времена

за его головой охотились десятки, если не сотни по-настоящему опасных людей; ему приходилось сражаться в таких крысоловках, по сравнению с которыми покрытая грязью дорога была чем-то вроде лужайки для учебных боев чистоплюев-аристократов.

Сейчас он берег себя. «Береги себя!» — нашептывал ему неведомый хозяин. Вальца и так посетило странное чувство вины. Стрела в спине — это была небольшая, но все же неприятность, результат допущенной им оплошности. Поэтому он закончил быстро. Росс провел только одну отчаянную атаку, тщетно пытаясь действовать хладнокровно. Отразив ее, Вальц сделал быстрый, как проблеск молнии, выпад и пробил грудь противника в области солнечного сплетения.

Человек упал на колени, запрокинув кверху голову. На его губах лопались розовые пузыри. Вдохнуть он уже не мог. Лазарь смотрел на его предсмертные судороги, а потом резким движением выдернул меч из тела жертвы.

Он обвел место схватки ничего не выражающим взглядом, и на его забрызганном кровью лице снова появилась улыбка ребенка. Или идиота.

Мертвецы лежали под низким небом, готовым пролить слезы дождя. В сумерках все казалось серым, даже кровь. Где-то в лесу билась в агонии

лошадь; та единственная, что уцелела, стояла у обочины...

Вальц выбрал неповрежденную, хотя и грязную одежду. Он раздел человека с пробитым черепом, и тут обнаружилась досадная помеха. Что-то мешало ему натянуть на себя длинную исподнюю рубашку. Вывернув руку, Вальц нащупал торчавшую в спине стрелу и попытался ее выдернуть. Пальцы соскальзывали, вдобавок стрела вонзилась в одно из самых труднодоступных мест. Лазарь не нашел ничего лучше, кроме как обломать ее. При этом он чувствовал себя так, словно чей-то маленький клейкий ротик медленно пережевывал его внутренности, превращая их в однородную массу. Слабая боль была похожа на угасающее воспоминание, на ускользающий от сознания сон...

У него в руках оказался обломок стрелы не длиннее мизинца. Вальц поднес его к глазам, чтобы увидеть следы липкого, красного вещества с одуряющим запахом, который он любил когда-то... Этого вещества было так много в тех, кого он только что прикончил. Оно пробуждало в нем какие-то странные желания, предчувствие красоты, жестокую неудовлетворенность... Но обломок был испачкан в черной блестящей смоле. Высыхая, она осыпалась хлопьями, похожими на пепел.

Улыбка Вальца стала совершенно безжизненной. Он отшвырнул обломок, быстро

оделся, взял меч, пару чужих ножей и отправился ловить четвероногую тварь. Это оказалось нелегким делом. Лошадь шарахалась от него, раздувая ноздри и потряхивая головой. Очень быстро Вальц понял, что причина ее поведения кроется в его собственном запахе.

Подкравшись с подветренной стороны, он все же схватил уздечку и плетью вразумил перепуганную кобылу. Она сделалась покорной, но не потому, что перестала бояться, а скорее наоборот. Дрожь пробегала по ее телу всякий раз, когда он прикасался к ней. Вальца это мало заботило. Он приобрел все необходимое для дальнего опасного пути.

Невидимое солнце садилось на западе, и лазарь заторопился вслед за ним.

2

Опустившаяся темнота не стала помехой одинокому всаднику. Он безостановочно двигался сквозь безлунную и беззвездную ночь. Только звуки, издаваемые лошадью, могли убедить случайного прохожего в том, что ему повстречался не призрак. Но то были плохие времена для прохожих, тем более для случайных. Страх и почти неотличимая от него разумная осторожность заставляли прятаться тех, кто затерялся на

огромных пространствах, разделявших города и замки...

Вокруг не было ни единого проблеска света, и все же лазарь безошибочно находил дорогу и принуждал уставшую кобылу месить копытами жидкую грязь. Он продолжал движение в черноте, похожей на черноту под опущенными веками, вдоль некоей линии, которую он чувал одним из своих нечеловеческих органов.

Много времени прошло, прежде чем впереди показались дрожащие огни. Две встречные кареты вихрем пронеслись мимо; Вальц едва успел свернуть к обочине. Дикий крик возницы вспорол воздух — должно быть, лазаря и в самом деле приняли за привидение.

Белая кобыла начала хрипеть. Он дотронулся до ее взмыленной шеи, и в ту же секунду лошадь дернулась как ужаленная. Вальц мрачно улыбнулся; до него дошло, что четвероногая тварь нуждается в отдыхе.

Не так давно он проехал мимо постоянного двора. Это было ошибкой. Ему пришлось вернуться и напоить кобылу водой из выдолбленной колоды. Дом был совсем близко, но Вальц избегал человеческого общества и неизбежных расспросов.

Его вполне устроил ближайший лесок. Здесь он стреножил кобылу и для верности привязал ее к дереву. Задержка была неизбежной; поэтому лазарь

спокойно расположился прямо на сырой земле и погрузился в состояние безучастной дремоты. Его глаза оставались открытыми; у него не было ни мыслей, ни желаний, и ничто не навевало сны. Влага и холод, подкрадывавшиеся к телу, не доставляли ему ни малейших неудобств.

* * *

В эту ночь Вальц был готов к нападению зверей или людей — ему было все равно. Но ни те, ни другие не потревожили его, и с рассветом он отправился в путь. Вскоре выяснилось, что дорога уводит слишком далеко к югу, и лазарь оставил ее, свернув в редколесье.

Здесь было много естественных препятствий, зато теперь он двигался прямо к цели, как будто стрелка нематериального компаса указывала точно по направлению его взгляда. К тому же дорога была небезопасна; как ни странно, Вальц почерпнул это из собственного опыта. Не так давно три человека, владевшие нужным ему имуществом, расстались не только с имуществом, но и с жизнью. Почему бы не предположить, что и с ним может случиться подобная неприятность?.. Первые примитивные мыслишки Вальца не отличались оригинальностью и начинали понемногу путаться, вступая в противоречие с направлявшей его темной силой.

Начался день, такой же пасмурный, как и вчерашний. Лазарь проехал через одичавшие виноградники на южном склоне высокой горы, затем, не покидая седла, преодолел неглубокую речку и снова углубился в лес.

Отдаленный шум привлек его внимание часом позже. Истошные детские крики, женский вой, хриплое мужское карканье. Судя по всему, поблизости кто-то умирал, а с некоторых пор смерть, как и прежде, вызывала у Вальца нездоровое любопытство.

Минуту спустя он услышал характерный и неоднократно повторявшийся звук спускаемой тетивы. В просветах между стволами деревьев показалась дорога. Вальц придержал кобылу и осторожно раздвинул ветки.

То, что он увидел, заставило его задуматься. Он заново учился извлекать пользу из того, что другие считали отвратительным или опасным. В этом Вальц был способным учеником...

На лесной дороге отряд булхарских лучников расстреливал толпу беженцев. Присмотревшись, Лазарь обнаружил причину этой массовой казни — люди, бежавшие с запада, были неизлечимо больны. Он ничего не знал о бубонной чуме, но чувствовал, что многие из них не протянут и трех дней.

Лучники освобождали бедняг от

бессмысленных страданий. Акция имела очевидную цель не допустить распространения болезни, только никто не потрудился объяснить это самим больным.

Те беженцы, которые еще могли ходить, пытались скрыться в лесу, но стрелы настигали их раньше, чем им удавалось добраться до деревьев. Подобная участь ожидала лошадей, запряженных в телеги, и даже собак.

Непрерывный предсмертный стон стоял над лесной дорогой. Стрелы неумолимо рассекали воздух и разили, как Божья кара, не щадя ни стариков, ни детей.

Большинство несчастных даже не пыталось прятаться или бежать. Кто-то бился в судорогах. Кое-кто видел не стрелков, а демонов. Обездвиженные люди лежали в повозках, равнодушные ко всему, кроме собственного бреда. Их багровые или покрытые черными пятнами лица были обращены к небесам, но уже не для молитв, а для проклятий...

Чума шла с запада. Лазарь понял, что ему повезло. Он увидел достаточно, чтобы сообразить: на пораженных болезнью территориях будет меньше препятствий. Он развернул кобылу и направил ее через лес параллельно дороге.

Спустя некоторое время место избиения беженцев осталось позади. Вальц скакал там, где

они прошли совсем недавно, и видел брошенный в грязь нехитрый скарб; иногда ему попадались и трупы. Бубоны делали их всех одинаково уродливыми.

За небольшим холмом открылся вид на брошенное селение. Вальц не стал гадать, болеют ли чумой лошади, напоив свою кобылу водой из колодца и накормив овсом, найденным в сарае. Здесь он впервые увидел крысиные трупы, и ему захотелось иметь такую же маленькую четвероногую тварь. Только живую. Это было немного странное, но оправданное желание. Он подбирал оружие на своем скорбном пути, еще не зная, где и при каких обстоятельствах доведется его использовать.

...И снова была дорога, стелющаяся под унылым небом, обрывистый берег, уцелевший мост. Широкая река медленно несла свои мутные воды на юго-восток. Копыта прогрохотали по деревянному настилу и глухо застучали по грязи. Слева осталась поросшая еловым лесом темная гора, справа показалась пристань, почти пустая, если не считать нескольких полузатопленных лодок.

О близости города лазарь тоже узнал по трупам, еще не видя его. Некоторые уже начали разлагаться, другие были совсем свежими. По обе стороны от дороги появились крестьянские

хижины. А потом был огромный камень у развилки дорог, на котором было высечено название городка. Возле этого камня Вальц обнаружил, что умеет читать, хотя не помнил, чтобы кто-нибудь когда-нибудь учил его этому. Ему были известны уродливые символы, состоявшие из кружочков, дуг и отрезков прямых, примерно так же, как было известно направление, в котором он должен был двигаться.

Он оказался на улице, пронзавшей городок насквозь. Кареты тех, кто очень спешил, могли проезжать по ней, не останавливаясь и не задерживаясь ни на минуту. Но, похоже, здесь уже давно никто никуда не торопился.

Двухэтажные и одноэтажные дома обступили Вальца. Из распахнутых окон несло дохлятиной, во дворах лежали вздувшиеся мертвецы. Лазарь улыбался. Он доверял судьбе, или как там называется то, что привело его в это место. Не случайно, все не случайно — он был уверен в этом сильнее, чем фаталисты-богословы.

* * *

Дверь одного из домов приоткрылась. Из-за нее вывалился мальчик с искаженным судорогой лицом. Его одолевали позывы к рвоте, но желудок давно был пуст. Мальчик что-то бессвязно

выкрикивал. Приблизившись к нему, лазарь понял, что больного осаждают тени, среди которых всадник на лошади был далеко не самой пугающей.

Вальц остановился, почуяв, что рядом есть кто-то еще. Он спешил и привязал белую, как скелет, кобылу к металлическим перилам крыльца. Потом вошел в пропахший кислым запахом смерти дом.

Какое-то существо ворочалось в полутьме. Это была старуха, уже потерявшая разум, как и мальчишка.

— Ты кто?! — оглушительно завизжала она.

Несмотря на это, он услышал шорох позади себя и быстро обернулся.

Больная крыса переползала комнату. Умирающая, но еще живая. Тварь двигалась, как пьяная, ее тело периодически содрогалось. Вальц схватил ее за загривок и поднес к своему лицу.

— Ты кто?! Ты кто?! — пронзительно кричала старуха за его спиной.

Вальц разглядывал крысу. Ее слезящиеся глазки были окружены воспаленными веками. Она оказалась неожиданно горячей и пыталась скалить зубы... Резким ударом костяшками пальцев по черепу он оглушил ее, огляделся по сторонам и обнаружил кое-что подходящее — пустой мех для воды. Положил в него крысу и начал подниматься по скрипучей лестнице на второй этаж. Старуха

визжала ему вслед:

— Ты кто?! Ты кто?! Ты кто?!

У него самого не было ответа на этот вопрос.

Оказавшись на узкой площадке, лазарь открыл дверь и отшатнулся. Прямо на него двигалось красноглазое привидение с протянутыми вперед когтистыми руками. Впрочем, для привидения тут было слишком много пораженной болезнью плоти. Мутный взгляд женщины (это была еще не старая женщина) сфокусировался на нем. Он услышал то же самое и понял, что в городке давно не было гостей.

— Ты кто? — прошептала женщина потрескавшимися губами. Бубоны, вздувшиеся под скулами, охватывали ее шею, отчего голова приобрела странную неподвижность. Вальца это несколько не смущало. Он изучал ее пышную грудь и широкие крепкие бедра...

Женщина остановилась в двух шагах от него и попятилась, как будто сумела прочесть что-то в его пустом взгляде. Она пятилась, пока не уперлась в стол, и тогда Вальц вдруг оказался совсем рядом.

Она не ощущала его дыхания, но не понимала, что это значит. Он положил на пол мех с крысой и развязал кожаные шнурки, стягивавшие брюки...

Через разбитое окно доносились бессмысленные крики мальчика и испуганное ржание кобылы. Должно быть, больному

показалось, что он наткнулся на нечто ужасное.

Вальц толкнул женщину на грубые доски стола и сорвал с нее одежду. Огромные обвисшие груди, покрытые черными пятнами, расплзлись в стороны, словно наполненные водой бурдюки. Кривая улыбка рассекла его лицо; он ощутил забытое напряжение. Он был жаден до всех даров этого страшного, умирающего мира...

Женщина тоже была горячей, как крыса. Ее багровое лицо пылало, из покрытого язвами рта доносился бессвязный шепот... Он вошел в нее, стараясь не смотреть на зловещее ожерелье вокруг шеи. Подобные уплотнения были у нее в паху и подмышками, как будто змея или птица отложила под кожей свои яйца... И все же женщина вызывала у него дикое, нестерпимое желание, от которого темнело в глазах. Вальц терзал умирающую, и кляксы черных звезд вспыхивали и гасли на внутренней стороне его опущенных век...

Женщине, похоже, было все равно. Происходящее оказалось не худшей частью многочасового бреда. Она стонала от сотрясений и боли, но лазарь был тому лишь косвенной причиной... Вскоре он понял, что не сможет удовлетворить свою похоть. В его теле не осталось ни капли жидкости; он был мертв внутри и снаружи.

В ярости он начал рвать ее кожу отросшими

ногтями и вдруг ощутил чье-то присутствие позади себя. Дуновение прохладного воздуха обдало его затылок. Вальц обернулся, схватившись за меч, с которым не расставался. Его интерес к женщине угас так же быстро, как вспыхнул.

...Человек, вышедший из темного угла, был безопасен. И мучительно напоминал кого-то. Через секунду лазарь понял, кого именно. Он увидел капюшон, рясу, грубую веревку вокруг пояса, нелепый амулет, подвешенный на засаленном шнурке... Человек плакал от отчаяния, но не посмел сделать ни одного угрожающего движения. Чума уже пометила его и отсчитала оставшееся время.

Вальц издал серию хриплых звуков, заменявших смех. Неизвестный монах оказался сущей находкой на его пути, единственной достопримечательностью этого вымирающего города. Соитие с женщиной было всего лишь приятным, но бесполезным. Встреча с монахом обещала нечто совсем иное.

Лазарь освободился от оружия и одежды. А дальше последовала метаморфоза уже известная ему и перенесенная несколько раз. Хлопок воздуха в пустоте — и нечеловеческий зародыш за одно исчезающе малое мгновение превратился в новое существо.

Скрюченное тело Преподобного Ансельма

поражало своей белизной. Особенно на фоне багрово-коричневой рясы монаха.

— Брат Ансельм... — робко проговорил тот, судорожно заглывая бесплотный ужас собственных домыслов и фантазий. Потом он переступил грань страха и разразился безумным смехом.

— Значит, это правда, — сказал он, отсмеявшись, и сел на грязный заплыванный пол. — Я знал, что ты придешь за мной.

— Кто я, по-твоему? — Для лазаря это был далеко не праздный вопрос.

— Тебя зовут Зверь.

— Ты уже не плачешь?

— Изыди, Зверь!.. Я радуюсь тому, что скоро умру. Поэтому ты явился слишком поздно. Теперь моя душа ничего не стоит.

— Плевать мне на твою душу, — презрительно сказал лазарь и расположился в кресле, прикрыв чресла сброшенной одеждой. — Ты меня знаешь. — Это был не вопрос, а утверждение. — Откуда?

— Не тебя, — пробормотал монах. — Не тебя. Когда-то я знал человека по имени Ансельм...

Женщина, все еще лежавшая на столе, зашевелилась и захрипела. Монах бросил на нее испуганный взгляд, как будто лазарь пометил ее жутким заклятием.

— Расскажи мне о нем, — приказал Преподобный, несмотря на то что разговор означал более или менее длительную задержку на пути. Похоже, монах действительно считал его порождением своего предсмертного бреда.

— Это то, что я думаю? — прошептал жалкий безумец. — Я читал о тебе в Книге. Но это неправильно, неправильно! Ты не должен наказывать за грехи...

Ансельм покосился на женщину, бесстыдно раскрывшую бедра.

— Твой грех? — спросил он у монаха.

Тот захихикал, глядя в пустоту.

— Что ты знаешь об Ансельме? — Лазарь повысил голос.

— Он искал всю жизнь... Говорил... это спрятано... под Менгеном. Больше я ничего не скажу. Страшное колдовство...

— Зачем он шел в Йеру-Салем?

— Свет... Он искал свет... Слишком много света... — Монах вскочил, задрал голову к небу и закрыл ладонями глаза. — Слепящий свет!!! — Он перешел на крик.

Лазарь хотел вразумить его пощечиной, но старик зашатался и сделал несколько шагов по комнате, пока не ткнулся лицом в стену. Кровь потекла из разбитого носа.

Монах кричал не переставая.

Лазарь понял, что его собеседник только что ослеп.

* * *

Вальц вышел на улицу, но прежде чем отвязать кобылу, отправился в садик позади дома и наполнил мех, в котором лежала крыса, черной сырой землей. При этом он шептал какие-то труднопроизносимые вещи и добавил к земле немного крови, соскоблив ее со своих ладоней.

Закончив, он приторочил мех к седлу и заметил, что мальчишка неподвижно лежит у задних ног кобылы. Возможно, его навеки успокоила четвероногая тварь. Вальц похлопал лошадь по морде, а та вздрагивала от отвращения и испуганно таращила глаза.

3

Через три дня Лазарь пересек незримую границу Четвертого рейха. Леса сменились заброшенными полями и лугами, на которых всадник был замечен издали. Вальцу это, конечно, не нравилось, тем более что до здешних деревень еще не добралась чума. Он объезжал их, стараясь не попадаться людям на глаза. Одежда булхарского солдата могла привлечь к нему внимание, и он

сменил ее, убив и раздев какого-то пастуха.

Еще через три дня пала белая кобыла. Не от болезни. Возможно, от усталости или от чего-то еще. Кое-кто сказал бы, что ее доконал страх... Вальц слез с лошади, когда у нее начали дрожать ноги. Больше она не сделала ни шагу, и даже плеть оказалась бесполезной. Он перебросил мех через плечо, и в ту же секунду кобыла ткнулась мордой в землю и неловко повалилась набок. Только теперь Вальц заметил, как сильно выпирают из-под кожи кости лошадиного скелета. Он оставил ее подыхать, рассчитывая вскоре найти замену четвероногой твари.

Так, одному, было даже проще. Он не нуждался в еде, воде и потому мог красться по безлюдным местам, словно хищник. Как там сказал монах? ЗВЕРЬ... По крайней мере, теперь лазарь знал, где находится то, за чем он охотился. Если и существовало колдовство, ослепившее монаха, а затем убившее лошадь, то Вальц до сих пор не ощущал никакого вредного влияния на свое тело. Да, пешком он двигался медленнее, но зато неуклонно приближался к Менгену. Кроме холодного оружия, он нес мех с крысой, который имел чуть более высокую температуру, чем окружающий воздух и земля. По неизвестной причине это вселяло в лазаря надежду.

По ночам, когда он шел через заброшенные

поля, у него было время и возможность посмотреть вверх. Луна неизменно притягивала его взгляд, особенно в ночи полнолуния. Сияющий диск вызывал у Вальца слабое головокружение, экстаз, состояние легкости и полета. Он забывал самого себя. Бесплотной птицей парил он над равниной, а под ним безостановочно двигалось черное двуногое существо, слепленное из костей и грязи, — тень, отброшенная в непонятную до конца реальность...

* * *

Лазарь долгое время не сталкивался с серьезными препятствиями на своем пути. Но вот его одиночество было нарушено. Как ни пытался он избежать любых встреч, встреча все же произошла.

Это случилось в окрестностях некоего замка, который возвышался над далеким холмом. Всплывшая луна посеребрила траву, края облаков, притаившихся у горизонта, и тяжеловесный силуэт руин, припавших к лысому каменному склону. Густой лес отделял Вальца от линии холмов. Его путь пролегал справа от замка, в неглубокой долине...

Меньше всего он опасался старых развалин. Бродяги и призраки были не в состоянии помешать ему; и те, и другие были нелюбопытны. Он углубился в лес, и замок исчез из виду. Вальца

обступили огромные деревья, под кронами которых было темно и голо. Ни травы, ни кустарника. Только узловатые корни окружали стволы, словно скорчившиеся в судорогах змеи.

Лунный свет ложился на землю рваными пятнами; их разделяли чернильные тени. Вальц шел, спотыкаясь, рискуя вывихнуть ноги, и уже не обращал внимания на мелкие помехи вроде веток, цеплявшихся за одежду и хлеставших по лицу. Дважды он падал, поднимался и после второго раза извлек из ладони покрытую черной слизью деревянную щепку.

Вдруг кто-то выскочил перед ним из темноты... Женщина в белом платье. На ее лице, как на замороженной маске, застыло выражение запредельного ужаса. Еще до столкновения с Вальцем она была напугана до смерти и потому не издавала ни звука. Теперь, наткнувшись на лазаря, она отшатнулась и по-звериному заскулила. Он видел ее удаляющийся силуэт, который пересекал колонны призрачного света...

Вальца не интересовала чужая жертва. Он сразу же понял, что женщину кто-то преследует, причем делает это совершенно бесшумно. Возможно, она была сумасшедшей и погоня существовала только в ее воображении, но почему-то лазарь не верил в это.

Мимо него пронеслась свора — ему даже

показалось, что СКВОЗЬ него. Он уловил что-то странное в тварях цвета ночи, взгляд которых нельзя было поймать по причине отсутствия зрачков. Псы, преследующие добычу без единого звука, псы с тусклыми бельмами и остановившимся дыханием... Тем не менее Вальц почувствовал, что эти существа одной с ним природы. Само по себе это обстоятельство не было ни успокаивающим, ни пугающим. Теперь лазарь ждал появления хозяев...

Сгустки теней скользили, пронизывая вуали лунного сияния. Приближались всадники на лошадях, такие же беззвучные, как свора псов-загонщиков. Чья-то дикая охота продолжалась в ночи, и Вальц впервые ощутил свою заброшенность в мире, перенасыщенном смертью.

И все же его стремление осталось неизменным. Он мог выдерживать леденящий кошмар сколь угодно долго. Отчуждение лишь озлобляло его, но не могло заставить отступить. Жертва в белом была бесполезна, а вот у преследователей было кое-что, необходимое ему...

Он нашел горизонтальный сук и, подпрыгнув, повис на нем. Когда один из охотников оказался рядом, Вальц подтянул свое тело вверх и ударил всадника ногами. Раздался хруст, как будто раскололась яичная скорлупа. Ступни Вальца погрузились во что-то вязкое; от неожиданности он едва не сорвался с дерева. Темный сгусток, уже

ничем не напоминавший человека, прилепился к нему, и лазарь, разжав руки, рухнул на груды гнилого мяса, похожего на мягкое стекло. Под его тяжестью затрещали ребра чужого скелета, а его кулаки насквозь продавили кисель из плоти и врезались в землю.

В ноздри Вальца ударил невообразимый смрад, но это не вызвало никаких неприятностей с его желудком, превратившимся в сморщенный мешочек... Лазарь отстранился и в почти полной темноте обыскал тающий труп. Ветхая одежда расплзлась под его руками; он не обнаружил ни оружия, ни доспехов.

Между тем призрачная скачка продолжалась. Всадников было не меньше двух десятков. Но безразличие этих существ подавляло сильнее, чем их количество...

Вальц вытер скользкие руки о кору ближайшего дерева и огляделся по сторонам в поисках коня. Его окружили темные силуэты. Странное дело — он не мог различить ни одно из лиц; безликие текущие маски непрерывно менялись под мягкими пальцами ветра.

Вальц посмотрел вверх и увидел, что сквозь тело одного из всадников пробивается тусклый лунный свет. Правда, у луны появились четыре луча, направленные в разные стороны и превратившие круг в размытый пепельный крест.

Всадники расступились, давая дорогу очень красивой женщине, которая приближалась, ступая еле слышно, но все же с отчетливым шорохом. Она была раздета, и Вальц пожирал глазами ее тело. Лазарь сразу почувствовал, что эта женщина была ДРУГАЯ — из ЖИВОЙ плоти и крови. Такая же, как ее жертва... Хозяйка мертвого замка на холме...

Она равнодушно скользнула взглядом по бесформенным останкам того, кто еще недавно был одним из ее слуг. Она улыбалась, как показалось Вальцу вначале, вполне дружелюбно.

Только одна деталь портила ее улыбку и прекрасное лицо — передние верхние резцы были намного длиннее остальных зубов и имели зазубренные края. Эти миниатюрные пилы не то чтобы выглядели угрожающе; они просто нарушали некую гармонию, вносили несоразмерность, что было сразу же замечено Вальцем, который оставался эстетом и после смерти.

Вокруг теснились ее слуги. Лазарь отказался от мысли о возможности повторения того, что случилось в чумном городе. Он потянулся за своим ножом, которым владел лучше, чем мечом, но черная рука, только отдаленно похожая на человеческую, возникла из темноты и перехватила его руку. Он дернулся и понял, что сопротивление бесполезно. Эти твари, стоящие вокруг, были столь же сильными, сколь и хрупкими. Противоположные

качества переходили друг в друга по мере того, как некросущества просачивались сквозь неощутимую преграду, разделявшую оба мира. Если бы лазарь не утрачивал восприятия в момент превращения, он знал бы и об этом.

Но та, которая охотилась в ночи, превзошла его ожидания. Ее рука с ногтями, такими же длинными, как пальцы, схватила его за горло и оторвала от земли. Ему не грозило удушье. Сгустки тьмы, тени людей держали его за руки, и он висел перед женщиной, будто распятый на черном холсте. Ее рот оказался очень близко от его лица.

Она понюхала Вальца и брезгливо скривилась.

— Дохлятина! — Ее шепот завораживал его. Он смотрел, как шевелятся губы. На нижней были ранки от резцов, сочившиеся свежей кровью...

Она прокусила ему кожу на скуле, но вместо боли он ощутил прохладу воздуха, ворвавшегося в дыру. Щека обвисла лохмотьями, а женщина пожевала и выплюнула кусочек его плоти, покрытый темной слизью.

— Могу поклясться, что ты пробираешься в Менген, — сказала она, как будто расшифровала тайну, закодированную во вкусовых ощущениях. Вальц ждал, что будет дальше. Он не боялся пыток, а порванная щека всего лишь сделала его физиономию более запоминающейся.

— Везите его в замок! — приказала женщина,

и всадники бесшумно повлекли лазаря за собой.

Его ноги свисали в темноту. Он плавно раскачивался, как будто находился в когтях гигантской птицы. Ветер облизывал его лицо холодным языком, а сверху падал лунный свет, наполняя Вальца уверенностью в том, что все закончится хорошо. Только однажды он заметил белое пятно впереди себя — слуги Охотящейся В Ночи несли в ее логово еще одну жертву.

4

Лазарь отклонился от предначертанного пути и впервые ощутил нарастающую головную боль. Вскоре боль стала настолько страшной, что изгнала даже самые простые и обрывочные мысли. Что-то беспощадное металось в наглухо запертой камере его черепа, билось о каменные стены и царапало мозг.

Вальц перестал улыбаться. Он морщился, потому что заключенный внутри него палач стремился стянуть кожу на лице, сшивая ее раскаленными скобами. У боли не было материальной причины; она была так же реальна, как кошмар для спящего, и так же нереальна, как минувшее сновидение для пробудившегося...

Поэтому он не очень хорошо запомнил последние минуты пытки, ставшей менее жестокой

лишь тогда, когда всадники оказались возле замка. Его швырнули на растрескавшиеся каменные плиты, которые почти поглотила трава. Вальц поднял раскалывающуюся голову и увидел перед собой каменную стену. Вход под низкой аркой зарос диким виноградом. Тут же лежала полусгнившая деревянная дверь.

Боль начала стихать, как будто стены замка прикрыли лазаря от безжалостного луча, бьющего с северо-запада.

На замковом камне арки были высечены два одинаковых известных Вальцу символа. Каждый из них обозначал число, соответствующее числу его душ... По своей ограниченности и наивности он решил, что «33» — это год строительства замка. В таком случае эта штука была очень и очень древней. Дни, минувшие после второго рождения, и так казались Вальцу слишком долгим сроком.

Женщина неслышно приблизилась сзади и снисходительно потрепала его по голове, как собаку. Он не обиделся. Его единственным стремлением было продолжить свой путь. Она пошла к арке, и он смотрел, как переливается кожа на ее спине и ягодицах. В волосах, не знавших гребня, шевелились черви...

Вслед за ней Вальц нырнул под арку и оказался на темной лестнице. Каменные ступени привели его в зал с очагом, тремя узкими окнами и

старой мебелью. В одном из оконных проемов торчали осколки витражных стекол. Вдоль стен лежали картинные рамы и обломки подрамников. Сами холсты давно обветшали, изображения сделались неразличимыми. Толстый слой пыли покрывал все вокруг. Кое-где были рассыпаны кучки пепла или чего-то, напоминающего пепел. Под южной стеной, куда никогда не заглядывали лучи солнца, возвышалась гора рыхлой земли, разрытая посередине. Сквозняки не нарушали покой застоявшегося воздуха, и только еле слышные стоны доносились из каминной трубы. Все выглядело так, словно сюда никогда не попадали дождевые капли и влага...

Женщина медленно пересекала зал, оставляя за собой облачка оседающей пыли, похожей на снег. Прямоугольники света, падавшего из окон, были исчерчены узкими следами ее ног и еще множеством пересекающихся линий. Она пренебрегла креслами и стульями (спустя минуту лазарь понял почему). Вместо этого она взобралась на свое земляное ложе и по грудь зарылась в перегородку.

Ее белеющий бюст был так прекрасен по контрасту с чернотой земли, что Вальца передернуло. Она была ЖИВАЯ, и все же грязь и прах странным образом не приставали к ней. Это смутно напоминало ему о чем-то приятном, о

каком-то странствии под ночным небом...

Вальц сделал несколько шагов по залу и поднял кверху голову. Он увидел черный крест из балок перекрытия, загаженных птицами. В просветах подмигивали тусклые звезды. В темном углу, там, где сохранилась часть потолка, шевелилось что-то — вероятно, маленькая стайка летучих мышей, которые цеплялись за обнажившуюся арматуру железобетона.

Лазарь сел на стул, и тот рассыпался под его тяжестью, как будто был сделан из глины. Вальц рухнул в скопление мельчайшей древесной трухи и растянулся перед хозяйкой замка.

Женщина безрадостно засмеялась. Черви сползали с ее волос и поспешно зарывались в землю...

Вальц остался сидеть на полу, скрестив ноги и положив меч в ножнах на бедра. Он терпеливо ждал, когда можно будет безнаказанно зарезать эту тварь и уйти отсюда. Что-то подсказывало ему: время еще не настало.

Боль не возвращалась, и это было уже неплохо. Слабый звук, который могла издавать перекатывающаяся бутылка, раздался у входа в зал. Мех с крысой, висевший у Вальца за спиной, зашевелился. Что-то прошмыгнуло позади него и скрылось в темной норе — округлый предмет, похожий на тыкву...

— Ты никогда не найдешь того, за чем тебя послали, урод, — сказала Охотящаяся В Ночи. — Оно погребено так глубоко, что копать придется целую вечность. Ты знаешь, что такое вечность?

Вместо ответа Вальц продемонстрировал ей свою знаменитую улыбку. Его не интересовали отвлеченные понятия вроде «вечности». Правда, Преподобный Ансельм попытался прорваться сквозь завесу собственного потерянного образа, но Вальц сразу же загнал его обратно в щель... Улыбка лазаря стала еще более жуткой из-за незатягивающейся дыры в щеке, через которую были видны боковые зубы.

Рука его новой знакомой по локоть погрузилась в землю, как будто белая змея спряталась в нору. Через секунду она извлекла на свет и показала лазарю нечто такое, от чего он почувствовал себя распадающимся на части.

Увидев ЭТО, Вальц попытался вскочить, но не успел. Ноги задрожали и подкосились, сердце переполнилось нахлынувшей черной слизью... Его пронзило ощущение, похожее на недоступный ему оргазм, только в сто раз более сильное. Он забился в судорогах, а в череп снова ворвалась боль.

Он понял, как выглядит то, что он искал.

Однако это была всего лишь подделка, копия, иллюстрация — заведомо бессмысленная, потому что она обладала только внешними свойствами

подлинного фетиша. Она была нужна для того, чтобы дразнить одержимых животных вроде Вальца.

— Значит, я не ошиблась, — сказала женщина, не понимая, что стремительно приближает свой конец. Мысль о том, что она делает это сознательно, не приходила лазарю в голову. — Зачем тебе Маска Сета? Она не возвращает жизнь, — проговорила Охотящаяся В Ночи.

— Я не знаю, что такое жизнь, — ответил он.

— Конечно. Именно поэтому ты здесь, дохлятина, — презрительно бросила она.

Он чувствовал себя так, словно побывал между мельничными жерновами. Кратковременная иллюзия отобрала у него силу; теперь, как ни странно, сила возвращалась с болью. Она просачивалась сверху, сквозь дырявый потолок. Липкий морок снова подчинял его себе. Он пытался запомнить самые важные из произнесенных женщиной слов: «Маска Сета», «то, за чем тебя послали»... Здешнее пространство выдавливало его из себя, гнало прочь, подчиняя страшной неотвратимости. Невидимые пальцы нажимали на его глазные яблоки, заставляя лазаря отползать...

Тем не менее он поднялся на ноги и, пошатываясь, сделал несколько шагов. Паутина магии рвалась, отпуская его. Тварь ошиблась — он

появился тут не затем, чтобы вернуть себе жизнь, а затем, чтобы все разрушить.

В это время в зал неслышно вошла жертва в белом платье. Кто-то дал ей странного проводника — детскую куклу из тех, что издают крик «а-а-а», когда падают на спину. Кукла была очень старой, с висящим на ниточке стеклянным глазом и вылезшими волосами. Несмотря на это, она сносно ходила на своих негнущихся ногах. Лазарь провожал ее пристальным взглядом. Он впервые видел, как двигалось то, что НИКОГДА И НЕ БЫЛО ЖИВЫМ...

Кукла переваливалась с ноги на ногу, с трудом удерживая равновесие и разворачивая при каждом шаге свое туловище. От ее шеи к руке жертвы тянулся кожаный собачий поводок. Жертва в белом робко ступала по крошечным следам куклы. Ужас на ее лице сменился застывшим слепком безумия. Сквозь дыры в разорванном платье проглядывала дряблая болезненная кожа.

Когда кукла поравнялась с Вальцем, она вдруг остановилась и ткнулась головой в пыльный пол. Жертва тоже замерла на месте; вокруг нее расплывалось невидимое, но хорошо осязаемое облако страха.

Вальц изучал ее тело. Оно было весьма несовершенным. Охотящаяся В Ночи едва заметно кивнула ему, и он сделал то, что должен был

сделать, недоумевая, куда же подевались ее слуги. Он занялся этим впервые после своего возрождения. Его работа сопровождалась жуткой песней, которую пела хозяйка замка. И даже не хозяйка — просто существо, занявшее место исчезнувшего и о многом ведавшего хозяина...

Песня была похожа на завывания волчицы, потерявшей щенков, и ветра в безмерно огромном подзвездном пространстве. В этой песне были очень странные слова. И язык был очень странным — знакомым лазарю, но искаженным, будто тоже рассыпался от древности. Каждую фразу он воспринимал как вереницу калек, а каждое слово-калека запускало свою культю в мерцающее сознание Вальца...

Охотящаяся В Ночи пела:

...Время ветров, время волков,
покуда весь мир не исчезнет,
Ни один человек
не пощадит другого...²

* * *

² Песня прорицательницы из «Старшей Эдды».

Жертва, которую они принесли своим демонам, была распята внутри маленькой полуразрушенной церкви, находившейся позади замка. Тело, искусно перекроенное Вальцем, висело вверх ногами на косом кресте из отогнутых металлических прутьев. Из перерезанного горла еще капала кровь. Огромная лужа собралась на земляном полу, и над нею роились мухи, которые переливались волшебными оттенками изумрудного и глянцево-фиолетового цветов. Мухи слетались, несмотря на то что в церкви было холодно, как в погребе. От лужи растекались тонкие ручейки и соединялись, образуя сложные идеограммы. Вблизи креста еле заметно шевелилась земля, и это вызывало дрожь багрового жидкого зеркала.

Ритуал сопровождался ритмичными звуками, доносившимися из какой-то шкатулки, крышка которой сияла болотным светом. Эти звуки приводили Вальца в исступление...

Совместно принесенная жертва сблизила лазаря и Охотящуюся В Ночи, но ненадолго. Она дала ему проглотить кусок чего-то белого, рассыпавшегося во рту в пыль. Вальц не возражал — его было невозможно отравить.

Последовавшая реакция оказалась непродолжительной, но открыла ему новые внутренние горизонты, подернутые пепельным светом беспамятства. Земля, стены, деревья вдруг

стали прозрачными, и он увидел миллионы существ некросферы, блуждающих во мраке. Их было слишком много для одной планеты, и только что он добавил к их числу еще одну неприкаянную душу. Концентрация мертвого не давала прорасти живому, окутывая твердь отравленным воздухом, ядовитой водой, суицидальными миазмами...

Вальц опустился на колени и своим шершавым, как пемза, языком облизал отвердевшие губы жертвы. Потом обмакнул пальцы в лужу крови и погрузил их в землю внутри меха с крысой. К его коже прикоснулось нечто холодное и тут же отпрянуло, спрятавшись в своем беспросветном жилище.

Вальц хотел было встать, но обнаружил, что не может оторвать от земли руку, на которую опирался. Пожелтевшие скелетные кости охватывали его запястье; костяная рука торчала из стынущей крови, и в других местах ее поверхность уже прокалывали отростки с черными ногтями.

Свободной рукой он потянулся за ножом и достал его из-за голенища сапога. Для этого Вальцу пришлось растянуться на полу, а пальцы скелетов хватили его за одежду. Он ударил по ним раз, другой, третий, с хрустом обламывая кости, растущие из-под земли, как стебли пшеницы. Освободившись, Вальц отодвинулся подальше и увидел, что пол вокруг креста усеян шевелящимися

отрубленными пальцами...

В глубине церкви находился алтарь, сделанный из нержавеющей стали и потому сохранившийся лучше всего остального. Над алтарем висел какой-то уродливый ржавый узел. Приблизившись, Вальц разглядел пилу с выкрошенными зубьями, молоток, клещи, капкан. Набор предметов казался нелепым, тем более что их объединяла астролябия, из которой они торчали, пронизывая насквозь ее ажурную решетку.

Когда-то церковь принадлежала масонской ложе. Для Вальца масоны были вымершими соучастниками ритуала, интуитивно и вслепую искавшими то же самое, что искал он. Они даже изготовили соответствующие инструменты, но у них не было и не могло быть подходящего материала...

Мертвец застыл перед мрачным алтарем, а сзади беззвучно шевелились пальцы. Он был весьма далек от священного трепета.

* * *

С помощью масонской пилы, молотка и головы жертвы лазарь начал делать собственную Маску. Работа затянулась надолго, почти до утра, и была бессмысленной. Охотящаяся В Ночи посмеивалась над ним. А он молча ждал исхода

этой странной, слишком затянувшейся ночи. И работал.

Потом женщина заснула на алтаре, напившись кровью жертвы. Когда он закончил, она все еще спала. Он пытался войти в ее сон, чтобы узнать, что это такое — неподвижность, загадка слабой улыбки, обращенной в потустороннее, отсутствие времени и душа, покинувшая тело...

В благоговейном молчании лазарь поднес Маску к изуродованному лицу Расчленителя Вальца. Он делал это без всяких мыслей и не соизмеряя очевидное. И, конечно, Маска оказалась ему мала. Он отбросил ее и увидел, как фетиш тотчас схватили растущие из-под земли пальцы. Они почернели, съежились и стали похожи на обгоревшие стебли сорняка. Но кое-что они унесли с собой в свою могилу...

Вальц склонился над живым телом, лежавшим на алтаре. Здесь было приготовлено для лазаря искушение, однако он не понимал этого. Он бесшумно вынул из ножен меч и занес его над Охотящейся В Ночи.

5

Древнее колдовство распадалось, как ветхий холст. Время сдвинулось с мертвой точки, и ночь

стремительно понеслась к концу.

Вальц уходил на запад — туда же, куда удалялась тьма и сгустки замогильного ужаса. Они не причинили ему вреда. Он не понимал значения происходящего, не оценил прорицания и не думал о том, почему иногда так легко расстаются с жизнью... О цели его путешествия знали другие — этого было достаточно, чтобы лазарь отправился в путь, не теряя ни минуты.

Он уносил с собой содержимое сломанной им музыкальной шкатулки — тончайшие золотые диски, которые дробили свет на разноцветные лучи и поражали своим совершенством. Вальц не знал, для чего ему нужны эти предметы, но не успокоился до тех пор, пока не заставил шкатулку заткнуться навеки, а диски не оказались поблизости от его небьющегося сердца. Они заключали в себе некое посмертное послание Охотящейся В Ночи, ее запоздалую месть, но лазарь был устроен слишком просто, чтобы заподозрить неладное.

* * *

...Едва высокая угловатая фигура Вальца растворилась в серой предутренней мгле, как в долине появился странный всадник. На нем была монашеская ряса с подкатанными полами, а под рясой — отвратительные следы бубонной чумы в

последней стадии. Голые ноги были покрыты ранами. В седельной сумке он зачем-то вез сморщенную женскую кисть, давно переставшую кровоточить. На концы ее скрюченных пальцев были насажены огарки черных свечей.

Монах ехал со стороны Белфура и явно пренебрегал поводами, свободно висевшими на шее его лошади. И кобыла у него была странная — белая, как скелет, изможденная, однако со вздувшимся животом и без глаз, которые уже выклевали птицы. Кобыла не дышала, ее гриву и хвост покрывали кристаллы инея. Она покорно трусила через лес чуть быстрее пешехода, в точности повторяя маршрут лазаря, словно двигалась по его запаху. Но ее вел не запах, а нечто другое — невидимый и неосязаемый живыми след, который оставляло за собой некросущество.

Возле церкви след был особенно интенсивным, и это вынудило четвероногую тварь сделать остановку. Всадник неуклюже слез с нее, с трудом утвердился на негнущихся окоченевших ногах и вошел в церковь. Он не видел учиненного Вальцем погрома, потому что был слеп. Задрал голову к грязной луже неба, он будто вынюхивал воздух...

На его застывшем лице не отразилось ни разочарования, ни удовлетворения. Несмотря на слепоту, он безошибочно собрал осколки

раздробленного черепа. Оставаясь таким же безучастным и равнодушным, он вернулся к неподвижно стоявшей кобыле и стал выкладывать на земле какие-то фигуры из костяных обломков. Это было сообщение для тех, кто шел за ним следом.

Он не испытывал боли и не питал надежды, шевеля руками в абсолютной тьме своего нового состояния. Он еще помнил свет истины, воссиявший и ослепивший его.

Свет, который давно погас.

Глава третья Страж Менгена

Когда вскрывают старые Усыпальницы, обнаруживают, что своды и стены покрыты слоями некой липкой слизи.

Сие есть сгустившийся тлен.

Олдос Хаксли. И после многих весен

1

Райнер Рильке проснулся от ледящего прикосновения Гоцита. Некросущество добралось до его дремлющего сознания сквозь толщу камня с самого нижнего яруса пещерного дворца

Заксенхаузен. Добралось, протянув бесплотный и невидимый отросток, ощутимый лишь теми, кому предназначалось сообщение.

Райнер был разбужен Гоцитом, и это означало, что для него появились плохие новости. Или очень плохие. Хороших новостей таким способом Рильке не получал никогда.

Переход от сна к бодрствованию был мгновенным. Райнер бесшумно приподнял поросшую шерстью голову и потянул носом воздух. Во тьме пещеры, в ее бесчисленных нишах находились ликантропы. Рильке слышал их дыхание и чуял их запахи, несмотря на то что совсем рядом с ним спала Нена — его самка на сегодняшнюю ночь. И судя по всему, на много предстоящих ночей...

Райнер соскучился по яростной звериной случке и устал от человеческой озабоченности. Жизнь четвероногого проста, непосредственна и бездумна. Иногда слишком коротка и страшна, но по счастливой случайности это не являлось причиной непрерывного самопожирания... Многие из тевтонских рыцарей предпочитали оставаться четвероногими подавляющую часть времени — даже невзирая на чудовищную боль, которой сопровождалось превращения. Райнер хорошо понимал их. Но, кроме всего прочего, существовали долг и необходимость. Двухногому убедить себя в

этом было гораздо легче.

Райнер осознавал, что в животной «нирване» таится искушение. Ты открыт для всего и растворен во всем. Твои глаза — окна во Вселенную. Твоя кожа прозрачна для мистических сил. Сквозь тебя мчится попеременно солнечный и звездный свет. Эфирные существа приходят и играют с тобой, минуя мысли и не застывая в безнадежно несовершенных формах придуманных символов... Тогда приоткрывается магическая сторона мира, волшебство становится естественным продолжением природы, изнанка бытия оборачивается сутью, и тебе остается только плыть в потоке жизни — иногда бурном, иногда расслабленно-ленивом, но всегда прекрасном, как неотъемлемый дар, с которым можно расстаться лишь добровольно...

Сейчас Рильке собирался сделать именно это.

* * *

Он оторвал живот от пола, и Нена тотчас же проснулась. Кончики ее ушей трепетали. Райнер не видел этого, но ощущал легчайшие дуновения воздуха. Он лизнул самку, успокаивая ее, а та принялась покусывать его шею — ласка, к которой он остался равнодушен.

Рильке потянулся, наслаждаясь силой

звериных мышц. Щелкнул зубами, раздавив найденного в шерсти паразита. Самка вылизывала свой пах... Возможно, произойдет чудо: она забеременеет от Райнера и родит ликантропа. Вот именно — чудо. Он знал, что в эту ночь ничто не предвещало такой удачи.

Рождение оборотня — событие чрезвычайно редкое. Тевтонских рыцарей мало, а их услуги стоят дорого. Даже несмотря на то что они были отлучены от церкви предшественником нынешнего Папы. Монархи ценят ликантропов, как непревзойденных охотников, в том числе за людьми и святыми дарами. Надо сказать, ценят высоко и справедливо... Но гроссмейстер ордена Райнер Рильке был к тому же безраздельно предан тысячелетнему рейху. При этом он помнил, что лучшая и непревзойденная ищейка избрала местом своего обитания его дворец.

Ищейку звали Гоцит.

...Рильке переступил через протянутые лапы Нены и направился к выходу из пещеры. Он не издавал ни звука; только когти еле слышно скребли по каменному полу. В глубине ниш вспыхивали тусклые искры — зрачки ликантропов, провожавших его взглядами.

Райнер уходил, удовлетворенный этой мрачноватой иллюминацией. Его рыцари были прирожденными воинами и останутся такими до

гроба или сырой земляной могилы под открытым небом. И хотя в окрестностях Менгена уже долгое время было спокойно, никто из них не утрачивал настороженности. Наступил момент, когда Гоцит позвал грессмейстера, и Рильке принял это без малейшего протеста.

Он оставил ярус ликантропов, взобрался на другой уровень дворца и направился в свой кабинет. Поклацал зубами у двери, разрывая запирающие заклинания, сотканые из волос «женской бороды».

Вошел.

В этот момент его настиг второй зов Гоцита. Гораздо более требовательный и жестокий — хлыст, который задел нервы, проходящие внутри позвоночного столба... Райнер не взвыл только потому, что жуткая боль длилась долю секунды.

Он упал на пол, и началось то, чем расплачиваются за привилегии, недоступные подавляющему большинству...

Он кричал страшнее, чем роженица, которая не может разродиться, или зверь, заживо сжигаемый на костре. Звонящее эхо его крика разносилось по дворцу, но во всем Заксенхаузене не нашлось никого, кто посочувствовал бы Рильке, или тех, кого испугали бы его вопли. Все давно привыкли к терзаниям плоти. Карлик-цверг — личный слуга грессмейстера — молча стоял и ждал

за дверью кабинета, держа в руках приготовленную для хозяина одежду.

...Тихо постанывая после перенесенного кошмара, Рильке скорчился на полу. Для начала он попытался выпрямить пальцы. Суставы издавали сухой треск... На сером искажившемся лице Райнера высыхали слезы, которые он считал позорными, но они были исторгнуты из его желез в краткие периоды бессознательности.

Застывшее тело постепенно обретало подвижность. Ускорялась циркуляция крови. Мозг освобождался от черного тумана. Двуногий оживал, снова превращаясь в мужчину из опустошенного болью сорокалетнего «младенца»...

Цверг помог ему облачиться в кожаный костюм и меховой плащ-мантию. Время, время! Рильке всегда ощущал его нехватку, как только становился двуногим. Призрак смерти бродил за ним по пятам, не давая расслабиться ни на минуту...

Не дожидаясь следующего зова Гоцита, гроссмейстер Тевтонского ордена отправился на аудиенцию к некросушеству.

* * *

Возрожденный орден обосновался в центре Четвертого рейха около трех столетий назад.

Заксенхаузен стал резиденцией гроссмейстера и генерального капитула гораздо позже, уже при жизни Райнера Рильке. Ликантроп считал это место как нельзя более подходящим для своей стаи.

Строитель дворца был неизвестен. Кто-то из дальних родственников Рильке открыл его по ошибке, полагая, что обнаружил монастырь древних доминиканцев. Подземелье было переполнено непонятными игрушками, испорченными механизмами и рассыпающимися в пыль человеческими скелетами. В то же время здесь полностью отсутствовали призраки. Всех их давно поглотил Гоцит; вернее, они стали его частью, его потусторонней плотью...

Никто не знал, что представляет собой Гоцит. В юности Рильке предпринял множество тщетных попыток найти объяснение тому, что находилось в самой нижней и самой большой пещере дворца Заксенхаузен. В этом ликантропу не помогли ни сила «психо», ни прекрасно развитая интуиция.

С тех пор прошло много лет, и достигший зрелости Райнер наконец понял: кое-что всегда останется необъясненным.

* * *

...Он спускался с этажа на этаж, невольно отмечая про себя направления и интенсивность

сквозняков. Дворец имел более дюжины выходов на поверхность, около половины из них были тайными; кроме того, сложная вентиляционная система обеспечивала приток воздуха на нижние ярусы. Воздушные потоки доносили ценную информацию о том, что происходит наверху, и были лучше живой стражи — вечными, неутомимыми, бессонными...

Все меньше двуногих и четвероногих попадалось Райнеру на пути — никто не хотел селиться поблизости от Гоцита. Рильке был чуть ли не единственным, кто решался спускаться сюда, да и то — по необходимости, которую не мог и не хотел оспаривать.

На нижнем ярусе воздух был неподвижен. Лишь один узкий ход, которым пробирался гость, вел отсюда наверх. Здесь было трудно дышать, а миазмы Гоцита порождали видения, которые, возможно, не имели ничего общего с действительностью. Поскольку альтернативы не было, Рильке пришлось привыкнуть к тому кошмару, в котором ему являло себя некросущество.

Свет факелов, оставшихся позади, делался все более тусклым, пока не исчез совсем. Некоторое время Райнер брел в полной темноте, ощупывая стены руками. Нести с собой факел или лампу было совершенно бесполезно — здесь не горела даже

сухая бумага...

Спустя двести шагов стены обрывались. Может быть, они тянулись влево и вправо. Рильке никогда не решался свернуть. Ему было не до этого. В момент дезориентации его заставляли видения.

Слабое свечение, похожее на предвестие зари, разгоралось в глубине пещеры. Огни, похожие на болотные, начинали неистово, хаотически двигаться, обметая тьму призрачными хвостами. В мертвом воздухе возникало огромное лицо — мертвенно-бледное, морщинистое, с тлеющими голубыми точками зрачков...

В первый раз Рильке бежал и был возвращен при помощи болевого воздействия. Потом он привык к тому, что видел всегда одно и то же — свое лицо после смерти. Оно парило над трясинной первобытного ужаса в серой долине безысходности. Со временем Райнер научился видеть нечто еще более определенное — пирамиду, обращенную вершиной вниз и пронзавшую ею глянец зеркала, которое лежало в стынущем мраке. Только благодаря летящим отражениям огней можно было догадываться о том, что находилось внизу — сгусток чего-то черного, неподвижного, ледяного, зловонного...

Вначале у сгустка даже не было названия, символа, имени. Впервые слово «Гоцит» произнес монах-доминиканец, случайно оказавшийся во

дворце Заксенхаузен и пожелавший спуститься вниз. Он вернулся потрясенным и, по мнению Рильке, так и не пришел в себя окончательно. Доминиканец бормотал что-то об адском озере, цитируя наизусть какую-то древнюю книгу. Зловещее имя тут же подхватили слуги-цверги, и вскоре оно стало среди ликантропов общеупотребительным.

Но даже теперь Райнер испытывал страх. К Гоциту невозможно было привыкнуть. Он находился в одном из узлов некросферы, в месте, где конечные проявления жизни были вытеснены бесконечным континуумом смерти... На некоторое время Рильке становился узником в собственном умирающем теле и, что самое неприятное, осознавал это.

Омертвение началось с конечностей, затем медленно подобралось к паху, желудку, груди... Притупились чувства, замедлилось биение сердца, угасли воспоминания... Видения остекленели и рассыпались, словно витражи из пепла... Остался только беспредельный ужас перед небытием. Последнее чувство, когда уже исчезли сожаления и память...

Где-то на этой зыбкой границе Гоцит обычно ослаблял свою смертельную хватку — по крайней мере имея дело с Рильке. Даже его жертве, находившейся в полумертвом состоянии, было

ясно, что ЭТО может в любую секунду зайти дальше. Гораздо дальше... Судя по тому, что ликантропы время от времени бесследно исчезали, такое иногда случалось.

Что же тогда удерживало их в Заксенхаузене? В минуты слабости и сомнений гроссмейстер неоднократно задавал себе этот вопрос. Может быть, они считали Гоцит союзником рейха? Смешным казалось даже думать так... Совсем недавно Райнер догадался: некросущество тоже было стражем. В этом (и только в этом!) они были похожи. Ликантропы действовали на поверхности земли — слепые орудия, пешки в недоступной пониманию тлеющей войне. Гоцит представлял собой последний рубеж обороны. И значит, они охраняли одно и то же, только по разные стороны существования.

Этот не до конца понятный долг (перед кем? перед чем?) превращал жизнь Рильке в мучительный самообман, непрерывную грязную игру, преступление против естества. Для него все могло закончиться в любой момент. А радость настоящей победы ему не дано было испытать никогда.

Тем не менее он оставался здесь и удерживал в пещерном дворце свою стаю. Близость завораживающей тайны окупала страдания. Нигде, ни в каком другом месте Райнер Рильке не мог бы

узнать больше о том, зачем вообще жить ликантропу.

Или о том, почему ему лучше не жить.

* * *

Он увидел огромную лилово-белую голову.

Свое лицо.

Отражение предсмертной жути и посмертной пустоты.

Сколько ему еще осталось, прежде чем ЭТО станет реальностью? Год? Десять? Тридцать? Вопрос чисел. Каббала времени и демонических влияний. Фантазии Гоцита, прообразы мертвецов, бесконечно совершенные фуги смерти...

Постепенно сквозь тающее лицо проступало ледяное зеркало Гоцита. Отростки некросущества касались Рильке — это были инъекции нечеловеческих ощущений. Он не терял рассудка только потому, что активность его сознания была минимальной. Случайный бродяга в аду. Попутчик кошмара... Ему оставалось только плыть по воле здешнего течения и ждать, пока оно вынесет на поверхность.

Наконец он увидел пирамиду — какой-то артефакт или проекцию подлинного артефакта. Тень приближалась к пирамиде — рваная, дисгармоничная, волочившая за собой лохмотья

своей призрачной плоти — и все же выглядевшая устрашающе. Она излучала неотвратимость.

Райнер не помнил ничего подобного. Тень оставляла за собой шлейф осыпающейся черной пыли. Там, где пыль оседала, зеркало Гоцита тускнело...

Рильке понимал, что означала внушенная ему тревога. Враг появился в окрестностях Менгена. Очередной самоубийца, посланный кем-то из Чевии, Булхара или даже из Сканды. Впрочем, этот приближался с юга.

Не так уж трудно было пробраться мимо рассредоточенных имперских патрулей. Такое случалось нередко, но в землях ордена шпионы приносили минимальный вред. Рильке втайне гордился этим. Ликантропы почти всегда справлялись сами. А на тот случай, когда внутри границ рейха оказывались исключительные «гости», существовал Гоцит...

Видение начало меркнуть. Некросущество отторгало Райнера, и он почувствовал себя возвращающимся с того света. Смертельная болезнь, которая продолжалась всего несколько минут, закончилась чудесным исцелением. Он заново родился — в полном сознании и отягощенный изрядным набором грехов.

* * *